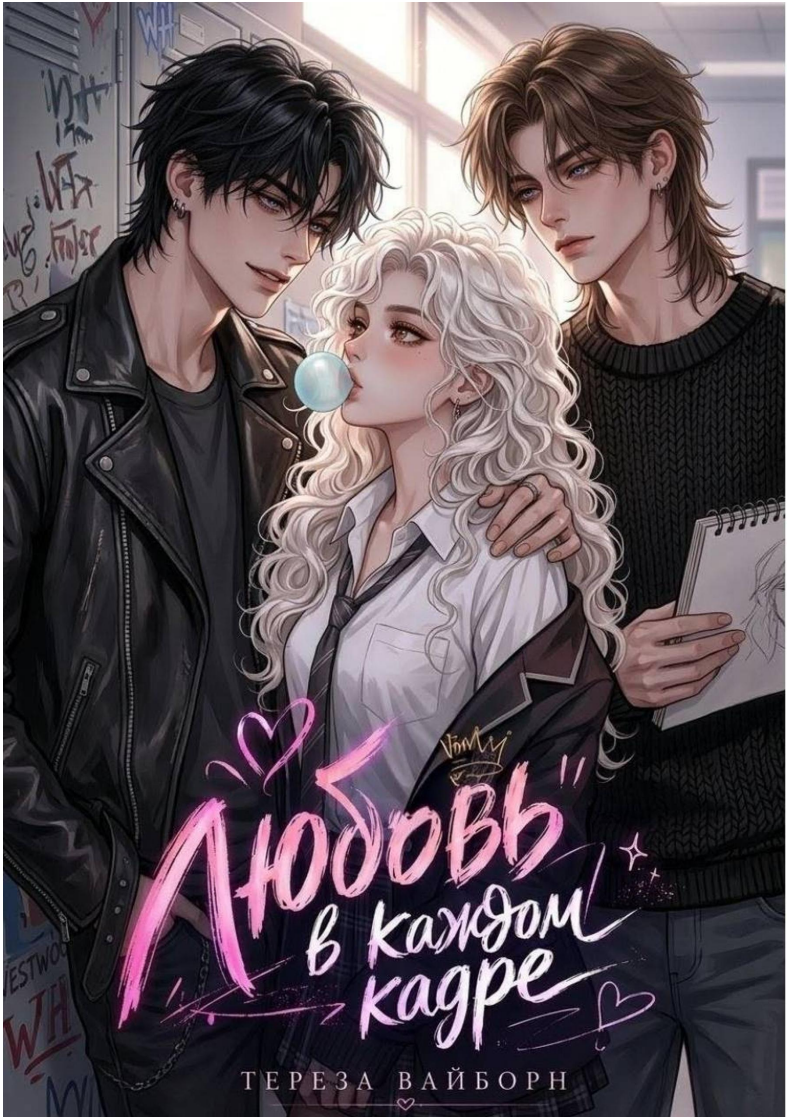
Любовь
в каждом
кадре
ТЕРЕЗА ВАЙБОРН

Тереза Вайборн

Любовь в каждом кадре

https://litres.ru/73968211
SelfPub; 2026

Аннотация

Для фанатов: «Всем парням, которых я любила раньше» + «Простушка»

Лекси обожает вымышленных мужчин: героев книг, манхв, которые не предают. А ещё она уже три года тайно наблюдает за одним блогером-косплеером.

В его роликах оживают её самые любимые образы, и Лекси готова поклясться: этот парень создан специально для неё.

Однажды она решается написать ему комментарий. И блогер отвечает, а затем признаётся, что они учатся в одной школе.

Теперь каждый парень в коридоре — подозреваемый. Особенно двое: братья-близнецы Джером и Клинт. Они её лучшие друзья с детства — одновременно похожие друг на друга и совершенно разные. Когда-то их связь разрушилась из-за ошибки. Но теперь всё меняется.

Смогут ли они вернуть дружбу втроём? Найдёт ли Лекси того самого блогера, за которым следила? И получится ли у неё понять свои настоящие чувства?

· От дружбы до любви (Friends to Lovers)

· Любовный треугольник

· Братья-близнецы
· Одержимость вымышленными персонажами
· Переписки

Содержание

Глава 1. Одержимость персонажем 6
Глава 2. Тебе бы к психиатру 17
Глава 3. Да быть не может 28
Глава 4. Арбузный бабл-ти и плохой самоконтроль 36
Глава 5. Поглощена тобой 47
Глава 6. Черная повязка и тысяча поцелуев 58
Глава 7. Дружба и любовь = плохая смесь 73
Глава 8. Кто же ты такой? 86
Конец ознакомительного фрагмента. 92

Любовь в каждом кадре

Глава 1. Одержимость персонажем

Посвящается всем, кто любит нарисованных мужчин, книжных героев и просто красивых персонажей, за которыми приятно наблюдать.

**Желаю каждому найти своего принца,
лорда тьмы, вампира, айдола —
или кого бы вы ещё ни любили.**

Идея этой книги появилась у меня ещё в 2022 году, когда я смотрела «Эта фарфоровая кукла влюбилась». Тогда я задумалась о том, как было бы здорово, если бы парень мог каждый раз перевоплощаться в моих любимых персонажей. Я написала несколько глав, но вскоре бросила. Потом снова вернулась к истории — и снова оставила её.

Яркий свет, сочившийся сквозь окна кабинета истории, лениво разлился по рядам усталых учеников, смешавшись с монотонным голосом преподавателя. Сегодня нам вещали об истоках французской новой волны. Сидя на заднем ряду, я машинально вывела в тетради очередной завиток, превратив скучный конспект в подобие абстрактного рисунка. Где-то краем уха мне удалось уловить обрывки фраз о режиссёрском почерке Трюффо. Никакая новая информация не задержалась в сознании, занятом совершенно иными, куда более важными и приятными образами.

Моя ладонь сама собой скользнула под крышку парты, нащупав прохладный металлический корпус телефона. Спустя секунду экран ожил, явив бесконечную ленту видеороликов. Под бодрую музыку кто-то необычно покрасил стены, кто-то станцевал, а кто-то просто посмотрел в камеру с умным видом, рассказав, как правильно дышать, чтобы не умереть, или как набрать миллионную аудиторию с ничего. Но я пролистала всё это со скоростью света, почти не вникнув в суть. Пальцы жили собственной жизнью, пока на экране не появилось нечто важное, заставившее меня замереть на полпути, а сердце вдруг пропустило один глухой удар.

"О да!!!!!!" — завизжала я мысленно и обернулась на всякий случай, чтобы убедиться в своей незаметности.

Это был единственный аккаунт, ради которого я вообще заходила в эту социальную сеть. Аккаунт парня без настоящего имени, но с тысячью лиц. Сегодняшнее видео, судя по

первой же секунде, пообещало нечто грандиозное. В кадре, на чёрном, шикарном стуле с высокой спинкой, сидел ОН. От одного его вида у меня мгновенно пересохло в горле, а внизу живота разлилось приятное тепло.

На нём был идеально сидящий бордовый мундир с золотым шитьём, высокий воротник, подпирающий острый подбородок. На коленях, обтянутых чёрными узкими брюками, покоились длинные пальцы в белых перчатках. Этот образ дополнил светлый парик, локоны которого спадали на лоб, а синие линзы сделали его взгляд чем-то на грани сверхъестественного, ледяным, как далёкие звёзды, с которых, по легенде, прибыл этот персонаж.

Это был *Котор* — принц галактики Джодоро, завоеватель, явившийся на Землю с миссией порабощения, но влюбившийся в земную девушку в сюжете популярнейшей визуальной новеллы. Именно этого персонажа я обожала больше всех, переиграв его ветку десятки раз.

Будь я совершенно ненормальной, то уже бы облизала экран, но я вполне сдержала себя, постаравшись оставаться в здравом уме, насколько это было возможно, когда я уже увидела такого красавчика.

Персонаж сидел неподвижно всего мгновение, а затем его губы тронула едва заметная улыбка. Он медленно поднял руку и поманил меня к себе пальцем.

— Иисусе… — прошептала я.

Его движения были интимными и одновременно власт-

ными, такими собственническими, словно он действительно увидел меня сквозь экран, приказав *подойти*, *подчиниться*, *упасть в его объятия...*

"Или сесть перед ним на колени…" — я покачала головой, постаравшись удержаться на земле, а не полететь за этим мужчиной на другую планету.

Замерев и забыв, как дышать, я вцепилась свободной рукой в край парты. Щёки горели и я непроизвольно кусала нижнюю губу, впившись зубами в нежную кожу. Оторваться от этого зрелища было выше моих сил. *Да, господи,* это было выше любых доводов разума, который где-то очень далеко попытался напомнить мне, что сейчас шёл урок, что вокруг были люди, а это было всего лишь грёбаное видео, а не приглашение на красную дорожку с Джейкобом Элорди или Беном Барнсом.

Но разум проиграл эту битву с треском.

Он наклонил голову, и светлые локоны снова упали ему на лоб. Его взгляд прожёг дыру в моей душе, а затем парень слегка приоткрыл рот, будто собрался что-то прошептать. Честно, я была готова поклясться, что услышала его голос, хотя звук был намертво выключен. Тогда я подумала только о том, чтобы оказаться с ним в одной комнате, сидеть у его ног, касаться руками этого роскошного мундира, чувствовать на себе этот тяжёлый взгляд синих глаз, принадлежавших инопланетному принцу.

Реальность рухнула на меня внезапно, обрушившись на-

стойчивым щипком за белую прядь волос, которая вечно выбивалась из общей массы моих кудряшек. Я вздрогнула, встретившись с насмешливым взглядом голубых глаз.

Ох, я точно знала, кому принадлежало это бледное лицо… Моему другу Джерому.

Или бывшему другу... Это ещё предстояло выяснить.

Кабинет уже опустел, а преподаватель собрал свои бумаги со стола, когда ученики шумным потоком вытекли в коридор. Только я всё ещё сидела, уткнувшись носом в телефон, совершенно выпав из времени.

Мне потребовалось несколько секунд, чтобы осознать, что я опять заблудилась в собственных грёзах.

— Ты бы хоть слюни подтёрла, Лекс, а то сейчас на конспект накапают, — протянул Джером. Его чёрные волосы были слегка взлохмачены, а на губах была улыбка, которую я обычно называла *«ангельской, но только внешне»*. — Я смотрю, ты снова нашла идеального мужчину по ту сторону экрана? Это уже какой-то диагноз, честное слово. Сходила бы ты, что ли, в реальный мир, подышала свежим воздухом. Нашла живого парня. Глядишь, и дышать ровнее стала бы, и дёргаться перестала бы.

Я демонстративно медленно закатила глаза, чтобы он прочувствовал всю глубину моего презрения, и полезла в карман джинсовых шорт, нащупав там заветную упаковку мятной жвачки, которую постоянно носила с собой, чтобы хоть как-то заглушать привычку кусать губы. Достав одну белую

пластинку, я быстро засунула её в рот, ощутив обжигающую свежесть на языке.

— Таких идеальных, как он, в реальности не существует, *Дже-ром*, — ответила я, произнеся его имя так, будто оно застряло у меня в зубах. Кивнув на погасший экран телефона, в моём голосе прозвучала абсолютная, стопроцентная убеждённость, граничащая с фанатизмом, когда я продолжила: — Где ты у нас тут видел парня, который смог примерить на себя твоего любимого персонажа с точностью до блеска в глазах? *Вот то-то же.* Поэтому не мешай мне наслаждаться прекрасным.

Джером, не обращая внимания на мою тираду, протянул руку к упаковке жвачки, которую я всё ещё сжимала в пальцах, но я, даже не глядя, ловко шлёпнула его по руке, убрав спасительную мятную пластинку обратно в карман. В ответ на его возмущённый возглас и слово *«язва»*, которым он меня наградил, я лишь толкнула его плечом, поднявшись со своего места и поправив сползшую с плеча лямку топика.

Мои чёрные высокие берцы гулко застучали по полу. Я машинально опустила взгляд и с лёгким раздражением заметила, что на левой коленке капроновые колготки, которые я нацепила утром в попытке выглядеть прилично, украсила длинная противная стрелка, ушедшая куда-то под шорты. Мысленно махнув рукой на эту неприятность, потому что в моей вселенной порванные колготки оказались мелочью по сравнению с новым видео от моего любимого, я поспешила

вперёд.

А ещё мне просто хотелось сбежать.

Я лишь сделала вид, что почувствовала себя полностью расслабленно, стоя так близко со своим другом, но на самом деле это оказалось не так. Мы отвыкли общаться друг с другом, потому что последние два года держали дистанцию. Прошлый год он проучился в другой школе в Вирджинии, уехав с отцом по работе, пока его брат и мама остались здесь. Но почему-то, вернувшись, он в первый же день начал со мной здороваться в коридорах, а сегодня уже даже подошёл.

Конечно, я не возражала, ведь мы перестали общаться из-за его брата-близнеца Клинта ещё до переезда. Но мне стало интересно, почему он вдруг решил, что пришло время вернуть нашу дружбу?

Сзади послышались торопливые шаги. В спину прилетела тяжесть моей собственной кожаной куртки, которую Джером ловко запустил в мою сторону. Я даже не обернулась, поймала её на лету и набросила на плечо. Он всегда подавал мою куртку в прошлом. Для этого даже не нужно было напрягаться и тащить вещи самостоятельно. Отчасти это оказалась проверка, насколько он хорошо помнил все наши привычки.

Раньше мы оба много лет терпели скверные характеры друг друга и прекрасно ладили.

Стоило выйти на школьное крыльцо, как солнечный свет на мгновение ослепил, заставив зажмуриться, а затем нале-

тел ветер, взъерошив мои белоснежные кудряшки, сделав их ещё более спутанными и непокорными, чем они были после многочасового сидения в школе.

Возле крыльца наши пути всегда расходились, если другу было не нужно ко мне.

Джерому — в одну сторону, мне — в другую. Я махнула ему рукой на прощание, поймав на себе его внимательный, осуждающий взгляд, когда он увидел, что я снова полезла в телефон, несмотря на дорогу.

— Если тебя собьёт машина, — прокричал мне в спину Джером, — я не стану собирать твои растёкшиеся глупые мозги с асфальта, фанатичка.

— Логично, это же не твоя работа, — я повернулась и показала ему язык, а затем не самый приятный жест средним пальцем.

Сегодня у нас были самые длинные диалоги за последние два года… Я попыталась выкинуть эти резкие перемены из головы и сосредоточиться на том, что мне понравилось.

Я зашагала по дорожке вдоль аккуратных кустов, мимо спешащих куда-то людей, подумав только о том, как быстрее добраться до дома, чтобы снова увидеть любимого персонажа, пересмотреть ролик примерно тысячу раз, а затем поставить его на заставку телефона.

Не разбирая дороги, ноги всё же привели меня к дому, в котором я жила с бабушкой. Он всегда казался мне существом из параллельной реальности, выпавшим из городского

пейзажа, — деревянный, покрытый лиловой краской, с резными наличниками, которые бабушка увидела на какой-то картинке и захотела такие же. У дома была высокая крыша с маленьким чердачным окном. Он напоминал те самые пряничные домики из старых европейских сказок, которые братья Гримм любили населять ведьмами. В свете клонящегося солнца, он выглядел вполне уютно и жутковато одновременно, с чуть покосившимся крыльцом и шторами на окнах с изображением мелких сахарных пирожных.

Взбежав по скрипучим деревянным ступеням веранды, я толкнула тяжёлую дверь, никогда не запираемую в присутствии и отсутствие бабушки, будто она верила, что все вокруг были святые и никто никогда ничего у неё не украдёт. Я оказалась в полумраке прихожей, пахнущей деревом и яблоками. Бросив мимолётный взгляд на пустую вешалку, поняла, что бабушки снова не было. Наверняка ушла к соседке пить чай с мятой и обсуждать соседский дом, где недавно хозяйка заставила всю лужайку не самыми симпатичными гномами.

Не снимая куртки, я кинулась вверх по узкой лестнице на второй этаж, перепрыгивая через ступеньку. Влетев в свою комнату, я с грохотом захлопнула за собой дверь, отрезая себя от внешнего мира: от школы и её скучных лекций и даже от Джерома с его снова начавшимися подколами.

Комната встретила меня знакомыми очертаниями плакатов, которыми были увешаны все стены от пола до потолка.

На каждом из них красовались лица — герои сериалов, персонажи фильмов, кадры из игр и обложки любимых книг. Все они смотрели на меня с разных сторон, создавая иллюзию того, что меня окружали те, кого я безнадёжно любила.

— Ну, здравствуйте, мои любимые, — я послала воздушный поцелуй плакату с инопланетным принцем.

Первым делом я включила в розетку шнурок гирлянд, развешанных поверх плакатов, и комната наполнилась тёплым мерцающим светом множества маленьких розовых лампочек, делавших пространство чуть ярче и немного похожим на моё собственное святилище. Не глядя, я скинула тяжёлые берцы, упавшие с глухим стуком на пол. Сделав последний шаг, я просто рухнула плашмя на свою широкую кровать, утопая в ворохе чёрных подушек и мягком пледе.

Мои пальцы дрожали от нетерпения, когда я вытащила телефон, нашла тот самый аккаунт, включила звук на полную громкость и снова нажала на видео с принцем Котором. Из динамиков полилась тревожная музыка с ноткой подчинения, которая сопровождала его появление в игре. Я снова увидела, как Котор сидел на стуле и манил меня пальцем, улыбаясь уголками губ.

— АААААААА, — я громко взвизгнула, зажав рот ладонями, и от избытка чувств застучала ногами по кровати, как маленькая девочка, получившая долгожданный подарок.

По моему телу пробежала дрожь восторга, когда я представила, сколько сил и любви он вложил в этот образ, в этот

взгляд, предназначенный мне, пусть даже и через экран и сотни километров проводов и серверов.

Я пролистывала ленту дальше, находя всё новые и новые видео с этим образом, снятые под разными ракурсами, с разным светом, в разных позах. Каждое из них было безупречно. Они заставляли моё сердце биться чаще, и я не могла, просто физически не могла оторваться от этой красоты, от этого совершенного парня, который умудрялся воплощать в жизнь все мои самые смелые фантазии.

Мне никогда не приходилось влюбляться в реальных мальчиков. *Ну или почти никогда.* Но об этом думать совсем не хотелось. Я считала такие чувства пустой тратой времени, ведь ни один живой человек не выдержал бы сравнения с теми героями, жившими на страницах книг и в кадрах фильмов, которых я идеализировала с завидным постоянством. Поэтому было так сладко увлечься тем, кто сам, добровольно, шагнул в этот мир фантазий и надел на себя личину прекрасного принца, оставляя меня наедине с экраном.

— Где бы ты ни был, — прошептала я, гладя экран кончиками пальцев, — забеги ко мне в спальню на пару часиков.

Глава 2. Тебе бы к психиатру

Я лежала на спине, уткнувшись носом в телефон, с растрёпанными волосами, рассыпавшимися по подушке и уже, кажется, в десятый раз пересматривала одно и то же видео. Я чувствовала себя одновременно влюблённой дурочкой и абсолютно счастливым человеком, которому позволено обожать без последствий какого-то переодевающегося в разные костюмы парня. По ту сторону экрана никто не видел моего лица, не слышал, как тихо вздыхаю, и не знал, как часто возвращаюсь к его образам, будто к чему-то священному.

Сегодня был выходной, и я решила провести его с пользой, пересмотрев почти все видео моего любимого мальчика, остановившись на образе *«рыжего лиса»*. В нём он был особенно игривым: с медными прядями и с наручниками, которые он лениво перекатывал между пальцами, словно это была игрушка, предназначенная для того, чтобы дразнить. Каждый раз, когда он прикусывал губу и наклонял голову, я ощущала, как у меня внутри что-то предательски сжимается и тянется к экрану, будто я могла коснуться его, если бы только протянула руку чуть дальше.

Я никогда не писала ему комментариев. Мне нравилось быть наблюдателем. Тенью в толпе аватарок и одинаковых восторженных фраз. Я предпочитала смотреть молча, переживать всё внутри, не выдавая себя и уж тем более не делая

шагов вперёд. Но в это утро что-то во мне щёлкнуло, словно крошечная пружина, долгое время сдерживавшая движение, наконец сорвалась. Глубоко выдохнув, почувствовала, как дрожат мои пальцы, когда открыла строку для комментария.

Набрав пару слов, я резко стерла их. Затем снова набрала и покусывая губу, посмотрела на своё отражение в чёрном стекле экрана, где мои глаза казались чуть шире обычного. Да и более безумными, что ли... В итоге, почти не позволяя себе думать, я написала:

«Вот бы ты меня приковал к себе».

Я замерла, перечитала, покраснела так, будто он уже стоял у моей кровати и смотрел на меня в упор. Прежде чем я успела передумать, нажала *«отправить»*, после чего с паническим стоном отбросила телефон на подушку, закрыв лицо ладонями, как будто это могло стереть только что совершённую глупость.

— Удалить или оставить?

Комментарий-то совсем неадекватный. Нет, конечно, есть и похуже от других пользователей, отчего мой на их фоне почти что святой. *Но всё же…* Я обычно только лайкаю его видео и пишу о них в своём блоге.

Перевернувшись на бок и зарывшись щекой в мягкую ткань наволочки, я попыталась убедить себя, что там все так шутят, что его блог популярный. Под каждым видео — десятки, если не сотни подобных фраз. Он отвечает почти

всем: кидает милые картинки, смайлики — так чем я хуже? Почему нельзя хотя бы раз позволить себе быть чуть безрассудной с тем, кто и вправду нравится, если он всё равно не знает, кто я такая?

Для него я просто ещё одно имя среди тысячи, верно?

С этой мыслью я заставила себя подняться с кровати, оставив телефон на подушке, словно так могла приглушить собственное нетерпение, после чего спустилась вниз на кухню.

Тишина дома встретила меня привычным запахом яблок. Я машинально достала из морозилки коробку с замороженной пиццей из *Волмарта*. Сунула её в микроволновку, включила кофеварку, наблюдая, как тонкая струйка тёмного кофе медленно наполняет кружку.

Бабушки снова не было дома. Я улыбнулась, представив, как она, семидесятилетняя, с шляпой на голове и лёгкой сутулостью, бодро шагает по улице к соседке, чтобы пить с ней чай с мятой, будто у неё впереди ещё десятки лет беззаботных прогулок. В такие моменты мне всегда становилось немного легче дышать, потому что после пожара девять лет назад, который унёс моих родителей, бабушка так и не научилась сидеть на месте, словно движение было её способом доказать судьбе, что она всё ещё жива, что дом не станет для неё ловушкой, как стал тогда для них.

Она потеряла дочь, я потеряла отца и мать. Но её боль была куда глубже. С возрастом мои чувства поутихли, несмотря на то, что мне всё ещё снятся ночные кошмары и даже

запах костра иногда вызывает дрожь.

В тот день отец был уставшим после работы в больнице и забыл выключить плиту. Домик был старый, случилось короткое замыкание, и они погибли. Бабушка сказала, что они не мучились и умерли во сне от отравления дымом и не чувствовали, как горят, но в моих снах они приходят с обугленными телами и тянут ко мне руки, чтобы обнять.

Я выжила только потому, что в ту ночь ночевала у лучших друзей, и иногда эта мысль возвращалась ко мне без предупреждения, но сегодня я отогнала её, потому что не хотела думать о подобном.

Родители всегда были на работе, и мы не проводили много времени вместе. Возможно, мне повезло не запомнить их достаточно хорошо, иначе боль была бы совсем невыносимой.

Пиццу я съела почти не чувствуя вкуса, запила её кофе и, не выдержав, поднялась обратно в комнату. Сердце стучало всё быстрее с каждой ступенькой, словно наверху ждал не мой этаж, а суд, где мне уже вынесли смертный приговор.

Господи, с чего я вообще так переживаю из-за парня в интернете? Может, слишком верю в себя, думая, что вдруг выделюсь среди других и стану той самой, с кем он вдруг захочет пообщаться? Как там таких любят называть в моих любимых романтических фильмах… Точно: *«не такая как все»*. Ну, мне бы хотелось быть не такой как все хотя бы для одного парня.

Желательно для этого красавчика, конечно же.

Телефон лежал на кровати погасшим экраном вверх, но стоило мне взять его в руки, как я увидела одно-единственное уведомление. У меня внутри всё перевернулось, потому что это было именно то, чего я ждала и чего одновременно боялась. Прежде чем открыть его, я зачем-то зашла на свой профиль, и тут меня словно облили холодной водой — на аватарке было моё лицо, моё настоящее фото, потому что я всегда ставила себя, не прячась за персонажами, и снова сделала это, даже не подумав. Теперь мысль о том, что он мог нажать на профиль и увидеть меня, вдруг показалась пугающе интимной, будто на моём лице выросли пара голых сисек.

Выдохнув, я попыталась унять дрожь в пальцах и прошептала себе, что он всё равно меня не знает, что для него это просто лицо среди сотен, нечто совершенно неособенное, — значит, всё в порядке. И только после этого наконец открыла уведомление с глупой ухмылкой на лице.

Я ожидала смайлик, милую картинку или хотя бы простой лайк. Но вместо этого увидела::

«О, если тебе так хочется, то давай поиграем».

Мир будто сжался до размеров экрана и моих округлившихся глаз.

Вскрикнув так громко, что сама испугалась собственного голоса, я уткнулась лицом в подушку и зажала рот ладонями, чувствуя, как по телу разливается горячая волна. Перевернувшись на спину, снова и снова перечитывала фразу, пытаясь понять, не мерещится ли мне всё это и не приписываю

ли я словам больше смысла, чем в них есть на самом деле.

Не выдержав, я набрала Джерому. Мне не с кем было обсудить эмоции, которые вдруг нахлынули волной, сметая к чертям все остатки мозгов, поэтому остался только он. К тому же, он первый решил вернуть нашу дружбу и подошёл. А я, *возможно*, хочу, чтобы мы общались, как и раньше и тянусь к нему.

Нет, я точно сделаю шаг навстречу, и мы притворимся, что разлуки не было.

Гудки показались бесконечными, тянущимися, как испытание, и когда он наконец взял трубку, я даже не дала ему сказать ни слова и закричала:

— ОН ОТВЕТИЛ НА МОЙ КОММЕНТАРИЙ!

В трубке повисла пауза, затем я услышала громкий выдох и знакомый смех.

— Лекс, ты никогда мне не звонишь, и, боже, увидев звонок от тебя, я решил, что что-то случилось. *Ты совсем спятила?*

Я проигнорировала его тон и быстро, сбиваясь, зачитала ему ответ, чувствуя, как снова краснею, будто он мог видеть меня сквозь телефон.

Снова пауза.

Второй тяжёлый вздох.

— Так... Мы давно не общались, и я уже подумал, что ты вдруг *ВАУ* супер заинтересована в том, чтобы стать друзьями снова, но ты хочешь обсудить со мной какого-то левого

парня, потому что он ответил тебе? Может, ещё обсудим, когда ты в последний раз спала с кем-то? Мне безумно любопытно.

Я услышала хруст чипсов по ту сторону линии и закатила глаза так, что, кажется, могла увидеть собственный мозг.

На самом деле, я никогда ни с кем не спала. Никогда даже не встречалась по-настоящему. Почти… И мне действительно это было неинтересно, потому что ни один реальный человек не вызывал во мне того ощущения, которое я испытывала сейчас, перечитывая *его* фразу. Джером знал это, ведь следил за всеми моими социальными сетями и ставил свой лайк даже, когда мы перестали общаться. Он подписан на мой закрытый блог, где девочки обсуждают одержимость разными персонажами. Никто близко там особо не общается, но посты друг другу мы перекидываем. Джером лайкает всё, что шлю я, и обычно оставляет какой-нибудь комментарий о том, что я психичка, язва, заноза и куча всего ещё.

Если я одержима нарисованными мужчинами, то он явно одержим шутками надо мной.

Но, видимо, всё же Джером даже после всего этого не мог поверить, что я способна быть настолько повёрнутой на выдуманных персонажах и на парне, который жил в моём телефоне.

— Иди ты в ж… — начала я, но договорить не успела, потому что он отключился, оставив меня с обрывком фразы и собственным раздражением.

Через секунду пришло сообщение:

«Сейчас приду к тебе и приму твоё приглашение, раз уж ты так хочешь».

Я закатила глаза ещё раз, на этот раз демонстративно, сфотографировала себя с самым красноречивым выражением лица и отправила ему снимок. Затем снова посмотрела на экран, где по-прежнему светилась фраза моего любимого мужчины, обещающая игру.

Мне хотелось написать что-то ещё, будто я вошла в азарт, *но будет странно комментировать все его видео…* Или же написать: *«О, привет, я слежу за твоими видео уже три года и иногда облизываю экран. Пообщаемся?»*

Да, супер идея, точно гарантирует мне успех.

Да и зачем мне это вообще. Возможно, я влюблена в его образы, в его мимику и посты о том, как ему нравятся закаты и рок-музыка, но, не зная, какой он человек, я пускаю слюни по нему. *Это жутко.* Вдруг он плохо обращается с животными или с женщинами? Что, если он спит с каждой своей фанаткой... Нет, я не против стать добровольцем. Хотя это уже явно перебор, и мне стоит сесть и успокоиться.

Я не сразу заметила, что наворачиваю шаги по комнате и постоянно касаюсь прохладного окна, пытаясь остудить свой пыл.

Я зашла обратно в сеть и снова открыла тот самый комментарий. Это было моё первое взаимодействие с этим блогером. Но вскоре появилось ещё одно уведомление, и, пе-

рейдя по нему, я поняла, что мне написали в личные сообщения. Увидев название канала *"Северный герцог"* , забавляющее меня каждый раз, тут же бросила телефон на кровать, отошла в конец комнаты и вжалась в стену, будто на меня полз огромный паук.

ОН НАПИСАЛ МНЕ В ЛИЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ!

— Нет, мне просто показалось, — успокоила я себя и снова подошла к телефону и взяла его в руки, пока моё сердце пыталось вырваться из груди.

«Я вижу твои лайки уже три года и ты впервые оставила комментарий, поэтому я решил, что это отличная возможность познакомиться».

— Так, он знает, что я подписана почти с первого дня существования его канала, и решил написать мне… — я поправила свои волосы и тяжело вздохнула.

Это очень волнительно, но отчего-то мне стало некомфортно. Вот моя мечта осуществилась, и он написал мне, но, если так подумать — мечтать о нём в тишине было приятно. А вдруг в ходе общения я узнаю его, и он мне совсем не понравится. Я не умею отделять автора от его творчества. И если он вдруг спросит у меня какие-нибудь откровенные фото, то я пошлю его далеко и надолго, потому что не потерплю такого вне отношений. Ещё и от какого-то блогера, чьи личные сообщения наверняка переполнены подобным. Но если он окажется приятным парнем, то… Опция добровольца всё ещё будет доступна.

В своей голове я создала ему хороший образ, и если он рухнет, то будет совсем неприятно. Придётся искать, на чём помешаться ещё, чтобы скрашивать вечера.

* * *

Задумавшись и стараясь успокоиться, я успела сделать небольшой проект к занятиям, затем приготовить ужин, посмотреть с бабушкой ее любимый сериал и только потом, вернувшись в комнату, вспомнила, что не ответила на сообщение.

Я потянулась к телефону. Экран вспыхнул, резанув ярким светом по глазам. За окном давно была глухая ночь. Пальцы сами замерли на секунду, а потом начали печатать:

«Привет, не думала, что ты вообще заметишь мой комментарий»

Я подождала пару секунд, крутя в руках наушники, а затем включила себе музыку.

Пришло новое сообщение:

«Наверное, я ждал этот комментарий все эти три года»

— Что? — перечитала и ещё раз, и ещё, будто текст магическим образом изменится.

По моим рукам побежали мурашки, и волоски встали дыбом.

Я была уверена, что он флиртует так со всеми, но мне так

захотелось подыграть ему в этом. Ничего же не случится? Это как общение с ботом, где ты создаёшь своего персонажа и… *ну* воображаешь с ним довольно интересные вещи.

Знал бы он, сколько раз я создала его персонажа, чтобы пофлиртовать…(да, поверим, что именно для этого)

«Правда? Если так хотел мой комментарий, то надо было просто попросить, для тебя я готова настрочить парочку слов» — я улыбнулась тому, что всё же решила заигрывать.

С его ботом я общалась не парой слов, а парой тысяч строчек…

«Тогда с этого дня я хочу видеть твои комментарии под каждым моим новым видео»

Боги, наверняка я умру сейчас, сжав в руках телефон так, что вот-вот треснет экран.

«А ты наглый» — я прикусила губу в ожидании его нового сообщения.

Время шло, но он так ничего и не написал, поэтому, попытавшись расслабиться, я забралась в постель, укрылась одеялом и, слушая музыку в наушниках, уснула.

Глава 3. Да быть не может

Я проснулась, когда услышала, что с кухни доносился звон посуды и негромкое напевание.

Бабушка никогда не умела двигаться тихо да и не пыталась, потому что считала, что утро должно начинаться с шума жизни, а не с осторожных шагов. Она верила, что *тихая жизнь — путь в гроб.*

Иногда бабушка включала музыку громче, чем это делали подростки на своих вечеринках, заказывала азиатскую еду, которую безумно любил её покойный супруг, и просто наслаждалась каждой секундой существования на этой планете.

Запах блинчиков и шоколадных хлопьев, знакомый с детства, приказал спуститься и наконец-то поесть. Я всегда была особенно голодной с утра. Да, могла забыть пообедать или поужинать, но завтрак… *Нет ничего важнее завтрака.*

Застав бабушку в очередной яркой рубашке с огромными оранжевыми цветами, в классических светлых брюках и с целым водопадом разноцветных бус на шее, которые мягко стучали друг о друга каждый раз, когда она наклонялась к столу, я широко улыбнулась ей.

— Доброе утро, солнышко, — сказала она, улыбаясь в ответ так, будто впереди нас ждала поездка в Диснейленд, не меньше.

Я села напротив, налила себе в хлопья холодное молоко,

наблюдая, как они медленно пропитывались и становились мягче, а на другую тарелку закинула парочку блинчиков.

Бабушка тоже ела хлопья, причмокивая и довольно щурясь, будто это было лучшее блюдо в мире, и вдруг, отставив ложку, спросила:

— Не хочешь съездить вместе в торговый центр? Прикупим тебе новые вещи?

Мне нравился шопинг с бабушкой, поэтому такая идея особенно приятно звучала утром в выходной.

— Хочу, конечно.

Я обожала новые вещи, и дело было даже не столько в одежде, сколько в самом процессе — выбирать, трогать ткани, открывать упаковки с канцелярией, нюхать свежую косметику, чувствовать хруст новых страниц в блокнотах. Иногда я покупала столько всего ненужного, что в конце концов складывала всё в ящиках своей комнаты. Стоило их открыть, и тебя убивало ненужным хламом. Да, уборка была не моим способом решения проблем, но вот затолкать всё в одно место — шикарная и надёжная идея.

Поднявшись в комнату, я открыла шкаф и, почти не задумываясь, накинула чёрные джинсы, обула ботинки и футболку с надписью «kiss my ass», а поверх неё надела косуху, которая всегда делала меня немного смелее, чем я была на самом деле. Собрав белые кудри в высокий пучок, я оставила пару прядей у висков и аккуратно подвела глаза чёрным, придавая взгляду чуть больше резкости.

Перед тем как выйти, я всё же посмотрела в телефон.

Новое сообщение:

«Если наглость поможет нам больше общаться, то я буду самой наглой задницей».

Я прыснула от смеха, прикрыв рот ладонью. Вспомнив о своей футболке, почти пожалела, что в этом приложении нельзя отправлять фотографии, потому что сейчас это было бы идеально, но вместо этого написала:

«Мою наглость тебе не переплюнуть».

Отправив, я поймала себя на том странном ощущении, которое испытывала в школьные годы, когда начинал нравиться новый персонаж, и я часами представляла, как однажды смогу разговаривать с ним, будто он действительно существует и способен ответить мне.

Ответ пришёл почти сразу.

«Я напишу тебе через пару часов, когда освобожусь. Не пропадай, пожалуйста».

Это *«пожалуйста»* задело меня куда сильнее, чем я ожидала, потому что в нём было что-то почти личное, будто он боялся, что я исчезну, как пропадали случайные подписчики. Мне вдруг стало любопытно, чем он был занят, какие у него были дела, работал ли он, готовился ли к съёмке, смеялся ли сейчас с кем-то в комнате. Мне хотелось узнать больше о том, за кем я следила последние годы. Но одновременно с этим сближаться с ним было плохой идеей.

Я спустилась вниз и закрыла дверь. Бабушка уже ждала в

машине, надев огромные солнцезащитные очки и поправляя поля своей шляпы. Когда мы выехали, город медленно начал просыпаться. Вдоль дороги тянулись двухэтажные домики с аккуратными газонами, деревья отбрасывали пятнистые тени, а за окном проплывали знакомые улицы. Где-то внутри теплилось лёгкое предвкушение: когда вернусь, снова получу сообщение от *НЕГО*.

Мне стоило быть спокойнее и не думать так много о каком-то парне.

* * *

Сорок минут пролетели почти незаметно. Войдя в торговый центр, я сразу почувствовала знакомую смесь запахов — кофе, сладкой выпечки и духов. Витрины переливались светом, а люди вокруг громко смеялись, особенно в районе фудкортов. Тихая музыка играла где-то под потолком. Здесь крутили самые популярные песни. Даже если ты не слушаешь такую музыку, то она обязательно заедала в голове ещё на пару недель точно.

Мы зашли в первый магазин, где бабушка сразу же увлеклась рубашками с ещё более яркими принтами, чем на ней сейчас. Пока она перебирала ткань пальцами и восторженно комментировала цвета, я остановилась у чёрной юбки с рюшами, провела ладонью по мягкому материалу и представила, как она будет смотреться с косухой и высокими ботинка-

ми, когда вдруг заметила напротив большую очередь.

В магазине через коридор продавали комиксы. У входа толпились люди, образуя плотное полукольцо из поднятых телефонов, вытянутых рук и взволнованных голосов. Когда я вышла посмотреть, что происходило, то буквально застыла на месте, потому что под яркими лампами, превращавшими пространство в сцену, стояли шесть высоких парней в костюмах принцев из истории про попаданку в королевство фей. Когда-то я проглатила эту историю за две бессонные ночи и сделала около десяти постов посвящённых любви к этому божественному произведению с одержимыми мужскими персонажами.

Их дорогие костюмы выглядели идеально: плотные камзолы из бархата и парчи переливались глубокими оттенками изумруда, рубина и тёмного сапфира. На плечах лежали лёгкие накидки с серебряной вышивкой, тонкие металлические цепочки пересекали грудь и отражали свет. На запястьях блестели браслеты с вырезанными символами фейских кланов — солнце, луна и созвездие Большой Медведицы; у одних на висках сияли тонкие диадемы, у других выделялись острые уши, подчёркнутые гримом. Сапоги до колен с пряжками и тонкой шнуровкой вытягивали силуэты.

Парни склоняли головы, подмигивали девушкам или наклонялись для совместных фото. Они флиртовали, как это делали и персонажи, отчего с разных сторон то и слышались визги.

— Хочешь сфотографироваться с ними? — спросила бабушка, подойдя ко мне с пакетами.

Я кивнула, не отрывая взгляда от прекрасных парней.

— Тогда я пойду возьму нам напитки, а ты вставай в очередь.

Она всегда была как лучшая подруга. Ей нравились мои увлечения, и они ни разу не вызывали осуждения. Иногда бабушка даже брала комиксы из моей комнаты и читала их, рассказывая, какой принц ей нравился и как бы она тоже хотела быть молодой девушкой, попавшей в красивый мир, где в неё сразу все влюблены.

Судя по всему, нужно было купить новый том комикса, чтобы сделать пару фотографий или видео с косплеерами.

Я встала в очередь, почувствовала, как сердце начало биться быстрее, и медленно скользила взглядом по лицам принцев, пока не замерла.

Один из них был моим любимчиком.

Нижняя часть лица была скрыта маской, но глаза… идеальные, алые, будто персонаж сошёл со страницы и ожил. Он вовсе не выглядел как реальный человек. Такого владения гримом, как у этих парней, просто не могло существовать. Но нет же, вот они были здесь…

Его костюм сиял глубоким матовым чёрным и подчёркивал линии тела, делая силуэт острее и более вытянутым. По краям камзола тянулась тонкая серебряная вышивка в виде переплетающихся ветвей под луной — символ дома Дже-

стона. Эту деталь я когда-то рассматривала на увеличенных скриншотах с фанатичным вниманием и даже думала сделать себе подобную татуировку.

Белый парик, наверно, стоивший больше моих ботинок от *«Доктора Мартенса»*,* был собран в высокий хвост, перехваченный чёрной лентой; несколько прядей спадали вдоль висков, создавая резкий контраст с тёмной тканью. Алые линзы делали взгляд надменным, и этот лёгкий ленивый прищур я узнала мгновенно, потому что видела его в десятках видео, когда он медленно поворачивался к камере.

На его груди поблёскивал тонкий кулон в форме полумесяца. Чёрные перчатки облегали его пальцы, повторяя иллюстрации из артбука, а когда он провёл рукой по хвосту парика, движения выглядели естественными, словно это вовсе и не образ, а его обычный вид.

Я узнала наклон головы, когда он слушал собеседника, делая вид, что конкретно ты исключительна и никто, кроме тебя, ему и не нужен, узнала манеру задерживать взгляд чуть дольше, чем принято, будто давая каждому почувствовать себя выбранным. Через маску парень поцеловал ладонь девушки, отчего та начала нервно хихикать, смотря в камеру подруги.

Это точно был он!

Кровь прилила к щекам. Пол под ногами будто качнулся. Видеть его образ через экран и стоять в нескольких метрах от него — два разных мира.

Нет, я не была из тех, кто стеснялся и убегал, но даже так, смотря на него, сделала небольшой шаг назад, чуть не наступив на ногу человека, стоящего позади.

Мне всегда хотелось его увидеть, хотелось сфотографироваться, но я и не подозревала, что он живёт в этом городе и нас никогда не разделяли тысячи километров.

От этой информации у меня появилось желание стереть все сообщения и заодно и себя саму.

Одно дело флиртовать, думая, что вам с этим человеком никогда не встретиться, и абсолютно другое — знать, что вы могли пересекаться даже в обычном продуктовом. Учитывая, что я никогда не видела его вне образов и даже не могла представить, какой же он на самом деле, даже тот же цвет глаз и кожи — мало ли, он её всю забледнял, а затем добавлял загар. Тогда становилось куда страшнее.

Он поднял голову, посмотрел вперёд, и я вдруг сжалась за человеком перед собой.

Dr. Martens («Доктор Мартенс», в разговорной речи — «мартенсы») — британский бренд обуви, культовый в готической, панк- и альтернативной субкультуре. Отличительные черты: грубая кожа, высокая шнуровка, массивная подошва, частые модели на платформе (например, Jadon)

Глава 4. Арбузный бабл-ти и плохой самоконтроль

Косплеер задержал на мне взгляд, кивнув на мою футболку и весело щурясь. Мои щёки уже горели так, будто я стояла под прямыми лучами солнца последние полчаса, а не в очереди среди взволнованных девушек с телефонами наизготовку.

— Ну и жарко же сегодня, — раздалось прямо над ухом, и я обернулась, встретившись с бабушкой.

Она протянула мне высокий стакан с моим любимым арбузным бабл-ти, с густым сиропом на дне и джусболами, прыгавшими в трубочку.

Я сделала большой глоток, почувствовав, как лёд обжёг губы, и ответила:

— Да, очень жарко, — но мой взгляд всё ещё был прикован к очереди, где стоял нужный мне парень, поправляя серебряную цепочку на груди.

Впереди осталось всего два человека. Сердце снова начало колотиться где-то в горле, помешав дышать. Ещё пару минут, и у всех будет шанс сфотографироваться с моим трупом. Вышло бы отличное фото на заставку: *красивая, но мёртвая я и горячий принц.*

Бабушка весело улыбнулась, поправив свои огромные

солнечные очки, которые она так и не сняла внутри торгового центра, и наклонилась к моему уху, прошептав так громко, что услышали, наверное, даже те парни у входа:

— Разве не его плакат висел возле твоей постели, солнышко?

Мои глаза широко распахнулись и я резко обернулась к ней, шикнув:

— Бабушка!

Но она только засмеялась. Я не смогла сдержать ответной улыбки, потому что она была права — плакаты всех шестерых принцев висели у меня над кроватью плотным рядом, и каждый вечер перед сном я отправляла им воздушный поцелуй, а иногда даже шептала *«спокойной ночи, мальчики»*, будто они правда могли меня услышать. Бабушка знала об этой моей маленькой традиции, потому что однажды зашла пожелать сладких снов и застала меня за этим занятием. С тех пор она любила подкалывать меня при каждом удобном случае.

Очередь двигалась быстро, и вот я уже стояла перед первым принцем с новым томиком комикса. Парень был с длинной чёрной косой, перекинутой через плечо, и с маской, скрывавшей нижнюю часть лица, открывавшей вид лишь на зелёные линзы. Он взял мою ладонь, наклонился и поцеловал тыльную сторону через маску, но ткань была такой тонкой, что я почувствовала тепло его губ, а затем косплеер притянул меня к себе для фото. Его рука легла на мою талию

почти невесомо, и когда камера телефона, который держала бабушка, щёлкнула, он наклонился к моему уху, и я услышала:

— Принцесса снов моих, не хочешь ли остаться со мной навсегда?

Фраза из комикса, которую я перечитывала десятки раз. Сцена, где его персонаж впервые признался героине в любви на балу в лунном свете.

Я улыбнулась, потому что было чертовски приятно — услышать это вживую, хоть и от человека в костюме, но мой взгляд уже невольно скользнул дальше, к тому, кто стоял следующим. Его алые, прищуренные глаза неотрывно следили за мной. Он уже потянул руку, пригласив приблизиться.

Мир вокруг будто исчез, оставив только его фигуру в чёрном камзоле и этот тяжёлый взгляд хищника, от которого я бы явно не стала убегать.

Я сделала шаг вперёд и оказалась перед ним. Его руки обхватили мою талию, прижав к себе , отчего я уловила запах парфюма — что-то с нотками ванили и свежеиспечённого печенья. Нежный аромат, абсолютно не сочетающийся с образом, но сделавший его лишь приятнее. Почувствовав жар тела парня сквозь плотную ткань костюма, я открыла рот, громко ахнув.

— Простите за мою наглость, принцесса, — его голос был низкий, чуть хрипловатый, и в нём слышалась интонация, как у Джестона в озвучке комикса, которую я заслушала до

дыр, — но футболка на вас взывает к интересным вещам.

Он занимался озвучкой? Голос точно был не его. Но он отлично им управлял.

Я посмотрела вниз на свою грудь, где белыми буквами красовалось *«kiss my ass»*, и вдруг начала смеяться, запрокинув голову, потому что это было настолько нелепо и идеально одновременно, что я просто не смогла сдержаться.

Джестон всё ещё смотрел на меня, не отпуская, пока его руки на моей талии не сжались чуть сильнее. Он наклонился ближе, чем к другим девушкам, почти коснувшись маской моего уха, и прошептал:

— И как теперь ты переплюнешь мою наглость?

Учитывая, как нагло он коснулся меня, — переплюнуть будет сложно.

Я открыла рот, когда его дыхание обожгло кожу, и мысли тут же рассыпались. Мозги превратились в фарш, все заготовленные остроты вылетели из головы, оставив после себя один сплошной вакуум. Лишь спустя несколько мучительных секунд в памяти всплыла наша ночная переписка, и я выдохнула:

— У меня достаточно возможностей переплюнуть тебя, пока рассматриваю твои видео перед сном. Кто знает… что я напишу в комментариях следующим?

Мне было стыдно за каждое слово... *В какой момент я стала героиней дешёвого романа?*

Он замер на секунду, а затем низко засмеялся, запрокинув

голову, как совсем недавно сделала я. Этот смех завибрировал где-то внутри, разлившись теплом по всему телу. Взгляд сам зацепился за то, как двигался его кадык под тонкой кожей, как напряглись мышцы шеи. Наверное, это был самый сексуальный звук в моей жизни — и одновременно такой ненастоящий. Даже смех у него выходил каким-то неестественным.

— Сегодня жарко, — сказал он, выдохнув, — могу ли я сделать глоток твоего напитка?

Я кивнула, протянув стакан с арбузным бабл-ти, и наблюдала, как он поднёс трубочку к маске, но потом, видимо, понял неудобство и одним движением стянул маску с лица, немного отвернувшись и не дав рассмотреть себя под ней.

Он сделал глоток, я успела заметить, как его губы сомкнулись на трубочке, а затем Джестон вернул мне стакан. Наши пальцы соприкоснулись, на что он лишь ухмыльнулся так же, как в десятках видео, когда играл с камерой. Но сейчас, вживую, это сработало в сто раз сильнее, отчего мои колени подрагивали, и я молилась, чтобы он этого не заметил.

Не будь он в этом шикарном костюме, который облегал плечи и грудь так идеально, будто был сшит на заказ. И в этих чёртовых перчатках, которые делали его пальцы ещё длиннее и изящнее... Я бы не чувствовала себя как пятилетняя девочка, верившая в Санта-Клауса.

Один его вид заставил думать о самых неприличных фантазиях, которые сводили меня с ума перед сном, когда я

представляла, как он в этом образе наклонялся ко мне, касался губами моей шеи, проводил руками по моему телу. Сейчас, когда я стояла в сантиметре от него, эти фантазии ожили, запульсировали где-то внизу живота.

Или же бабл-ти оказался несвежим, и мне стало плохо…

Мы посмотрели друг на друга, и бабушка щёлкнула камерой, сделав фото, потом видео. Я улыбнулась, но мой взгляд был прикован только к объекту обожания. Когда пришло время идти дальше, к следующему принцу, я сделала шаг в сторону, но он слегка удержал мою ладонь в своей.

Я замерла, когда его пальцы сжались на моих. Затем он наклонился и, отодвинув маску, поцеловал внутреннюю сторону моего запястья. Горячие мягкие губы задержались на секунду дольше, чем следовало. Подняв голову и снова скрывшись за маской, парень подмигнул. Мурашки тут же пробежали по телу, остро сконцентрировавшись где-то внизу позвоночника.

Внутри я кричала и билась головой об стену, пытаясь остудить свой пыл, разрываясь от восторга, от этого сумасшедшего ощущения: *моя фантазия вдруг стала реальностью.*

Джестон явно был профессионалом своего дела.

С остальными принцами я вела себя спокойно, улыбалась, делала фото, позволяла себя обнимать, но мысли мои всё ещё были там, *у него*, и я ловила себя на том, что постоянно искала его взгляд.

Сделав фото со всеми, я вынырнула из этого водоворота и подошла к бабушке. Она стояла в стороне с довольной улыбкой на лице и моим телефоном в руках, листая получившиеся снимки.

— Ты с ним знакома? — спросила она, хитро прищурившись, и я неловко пожала плечами, кусая губу и почувствовав, как краска снова залила щёки.

— Немного переписывались, — прошептала я, но она услышала.

Её улыбка стала ещё шире.

— Пусть после работы поедет к нам ужинать. Красивого мужчину нужно забирать сразу.

Я закатила глаза и осторожно, но довольно настойчиво подтолкнула бабушку к выходу из торгового центра.

Звать кого-то столь малознакомого к себе домой было чистым сумасшествием, и я точно не верила, что у нас ушло бы общение дальше переписки или этого случайного столкновения.

Мы сели в машину, прогретую осенним солнцем. Бабушка включила кондиционер на полную, и прохладный воздух обдул моё разгорячённое лицо. Я откинулась на сиденье, выдохнула, попыталась переварить всё, что случилось за последние полчаса.

Дома мы вместе приготовили ужин — удон с говядиной, моё любимое блюдо, которое бабушка научилась делать специально для меня, потому что знала, как я обожала азиат-

скую кухню. Этим я напоминала ей о любимом человеке. Я порезала лук, а она следила за мясом, и мы поболтали обо всём и ни о чём одновременно: о её соседке, которая снова купила уродливого садового гнома, о моей учёбе, о том, что осень в этом году выдалась на удивление жаркой.

Потом мы сели на диван с тарелками, включили очередную серию нашего любимого детективного сериала, где в каждом эпизоде было новое убийство и новый подозреваемый. Бабушка всегда угадывала преступника быстрее, чем я, и гордилась этим, как ребёнок.

Она взяла мой телефон, открыла фотографии с сегодняшней встречи и начала их рассматривать, комментируя каждую:

— Смотри, у этого усы немного торчат из-под маски. А этот вообще на тебя смотрел, как кот на сосиски. Ой, а здесь ты была такая красная, будто бежала марафон.

Мы похихикали вместе. С бабушкой всегда было тепло и безопасно. После пожара, смерти родителей, именно она держала меня за руку, сидела со мной ночами, когда мне снились кошмары. Бабушка научила меня снова смеяться, находить радость в маленьких вещах. Верить, что жизнь продолжается. Благодаря ей я легко пришла в себя и редко возвращалась в прошлое.

Я положила голову на её плечо, пока она гладила меня по волосам, пропуская белые кудри сквозь пальцы. Мы смотрели на экран, где детектив в очередной раз находил улику, ко-

торая привела его к разгадке.

Наверное, это и было счастье — сидеть вот так, с близким человеком, есть вкусную еду, смеяться над глупостями и чувствовать, что ты не одна.

После ужина я поднялась в свою комнату, собрала вещи на учёбу и проверила, не забыла ли что-то важное. Когда все дела были сделаны, я позволила себе забраться в кровать, утонуть в ворохе чёрных подушек и наконец взять в руки телефон.

Новое сообщение.

«Наверное, это судьба. Вчера мы начали переписываться, сегодня уже увиделись. Теперь тебе не сбежать от меня, любимая фанатка».

Я широко улыбнулась, отчего начало сводить скулы.

«А может, ты мой фанат, учитывая, как ты касался меня?»

Я отправила и замерла, прикусив губу, глядя на экран и ожидая ответа.

«Ауч, ты разгадала меня. Я следил за тобой каждую секунду».

Я засмеялась, зарылась лицом в подушку, а затем отправила ему испуганный смайлик с круглыми глазами и прижатыми к лицу ладошками.

«Кстати, как тебя зовут?» — написала я, и моё сердце почему-то заколотилось быстрее, будто я спросила о чём-то интимном.

«А какое имя тебе больше нравится? Для тебя я могу перевоплотиться в кого угодно».

Я покачала головой, глядя в экран. Ситуация всё же забавляла меня.

«А если серьёзно? Как тебя зовут на самом деле?» — настояла я.

Я посмотрела на экран, закусила губу и подумала, не перегнула ли я палку, не слишком ли напирала. Вдруг спугнула его?

«Мэтт».

Теперь у него было имя.

«Я Лекси», — ответила я и стала ждать.

«Мне нравится твоё имя, — написал он, — ***но могу ли я называть тебя „моя Лекси“?»***

Я выдохнула так громко, что звук разнёсся по комнате, и закрыла лицо ладонями. Щёки горели, пульс стучал в висках, а внутри разлилось что-то сладкое, как после просмотра очередной романтической комедии на нетфликс.

Мне же не тринадцать лет, чтобы так реагировать…

Он флиртовал со мной в манере персонажа, которого играл сегодня — наглого, одержимого принца, готового завоёвывать, преследовать и не отпускать девушку, заинтересовавшую его. Да, мне это безумно нравилось, но где-то в глубине сознания шевелилось любопытство: *какой он был на самом деле?*

Человек загадка…

Мне хотелось знать больше. Хотелось спросить обо всём, засыпать его вопросами, узнать его настоящего, а не только те образы, которые он создавал.

Но я притормозила.

Потому что всё равно опасалась. За три года, что я следила за ним, я видела лишь то, что он хотел показать: *красивую картинку*. И кто знал, что скрывалось за ней...

Я посмотрела на часы — была почти полночь. Завтра последний выходной и потом опять учёба. Это был выпускной класс, и, судя по постам людей, чем дальше, тем хуже становилось с каждым годом жизни. Выспаться можно было только на том свете.

«Спокойных снов, Мэтт», — написала я и замерла, глядя на экран, не в силах отложить телефон, пока не увидела его ответ.

«Спи сладко, моя Лекси».

Я прижала телефон к груди, закрыла глаза и почувствовала, как губы растянулись в улыбке, которую я не могла контролировать.

Возможно, бабушка была права, и красивого мужчину действительно нужно забирать сразу. Но пока я просто собралась спать и видеть сны, в которых он снова прижимал меня к себе.

Глава 5. Поглощена тобой

Сидя в столовой за самым дальним столиком у окна, где меня никто не видел и никто не трогал, я смотрела в экран телефона уже, кажется, целую вечность. Обновляла сообщения каждые тридцать секунд, хотя прекрасно знала, что новых нет, потому что утром пришло всего одно — короткое ***«доброе утро, моя Лекси»***.

На этом всё…

Я ответила тем же, и с тех пор стояла тишина.

Я понимала, что он, наверное, был на работе, или был занят, или спал после ночной смены, готовился к съёмкам, или делал тысячу других дел, которые делали обычные люди. Но мой мозг отказывался это принимать. Мне отчего-то даже нравилось снова и снова открывать нашу переписку, перечитывать последние сообщения.

В столовой было шумно, пахло пиццей и подгоревшими сосисками. Тарелки гремели, ученики смеялись, перекрикивались через ряды.

Я всей душой ненавидела это место. Здесь невозможно было спрятаться или остаться наедине со своими мыслями, но других вариантов не было. Запираться в туалете, как какой-то аутсайдер, не хотелось, как и выходить на улицу под сильный ветер, наблюдая, как еда пытается сбежать по газону, будто у неё внезапно отросли ноги. Дома тоже перекусить

не успела — проспала и собиралась в такой спешке, что едва не опоздала на первый урок.

Свой безвкусный салат я уже доела и теперь лениво ковыряла вилкой остатки, когда кто-то дёрнул меня за хвост, откинув белые кудри назад.

Мне захотелось огреть подносом того, кто решил вдруг, что имел право трогать мои прекрасные кудряшки.

— Какого чёрта? — рявкнула я, встретившись взглядом с Джеромом, который стоял надо мной с самым невинным выражением лица, на которое только был способен.

Я закатила глаза. Это и вправду была моя дурная привычка.

Он всегда дёргал меня за волосы, хоть и осторожно, но всё равно это злило.

Джером вёл себя как обычно.

Если он хотел вернуть наши прошлые взаимоотношения, то почему бы не делать всё, как раньше, верно? Вот и я так думаю. Но меня всё равно это немного тревожит.

Нам стоило поговорить, чтобы было легче, но мы упрямо делали вид, что никакой разлуки не было.

Он придвинул свой стул к моему, поставив на стол поднос с дымящимся тыквенным крем-супом и двумя банками доктора Пеппера, которые звякнули друг о друга. Я моментально потянулась к одной из них, схватила прохладный металл в ладонь и открыла, сделав большой глоток, почувствовав, как вишнёвая сладость растеклась по языку, обжигая пузырька-

ми газа.

— А мне сказали, что они закончились, — возмутилась я, кивнув на банку, и снова сделала глоток, наслаждаясь каждым мгновением.

Даже опаздывая, я забегала в магазин недалеко от школы за любимым напитком. Он был единственным рядом, до всего остального — не меньше получаса пути.

— А я всегда прошу отложить для меня две баночки, — Джером довольно улыбнулся, открыл свою банку и поднёс к губам, но перед тем, как сделать глоток, добавил: — Знаю же твои привычки.

— О, мне приятна твоя забота, — я криво усмехнулась.

Он закатил глаза, повторив за мной, после чего снова потянул руку к моему хвосту, дёрнув чуть сильнее, отчего я возмущённо зашипела:

— Тебе же не пять лет, *Дже-ром*!

— А тебе не девяносто, чтобы ворчать, как старая бабка, — парировал он, и я уже открыла рот, чтобы выдать очередную колкость, но в этот момент напротив нас кто-то опустился на стул.

Я подняла взгляд, встретившись с парнем со светло-каштановыми волосами, слегка достающими до плеч, подстриженными красивым каскадом, с маленькой серебряной серьгой в левом ухе, поблёскивающей в свете ламп.

Только не он…

На нём была чёрная футболка, обтягивающая плечи, и си-

ние джинсы с потёртостями на коленях. Он подмигнул мне с особенной уверенностью, которая бывала только у людей, знавших, что они нравились всем вокруг.

Клинт.

Брат Джерома, его близнец, но их легко было отличить, стоило только присмотреться — у Джерома волосы вечно были взлохмачены, крашенные в чёрный, а Клинт отращивал свои до плеч и укладывал так, будто только что сошёл с обложки модного журнала. У Джерома взгляд был насмешливый и колючий, как у чёрного кота, а у Клинта — маслянистый, изучающий, словно у змеи.

Если Джером любил шутить и издеваться, то язык общения Клинта — флирт со всем, что двигалось. Я в шутку думала иногда, что он мог бы склеить даже комара, просто нашептав ему пару ласковых слов, и комар бы улетел с ним на свидание, забыв про свою жажду крови.

— Лекси, крошка, давно не виделись, — протянул он, облокотившись на стол и подперев щёку рукой.

Его глаза скользнули по моему лицу, задержавшись на губах.

— Клинт, — кивнула я сухо, вернувшись к своему доктору пепперу, потому что не знала, как с ним разговаривать, да и никогда не знала.

Даже после того короткого периода два года назад, когда мы пытались встречаться.

Мы здоровались с Клинтом в последний год, пока его бра-

та не было. Иногда он поджидал меня возле школы, предлагая прогуляться, садился ко мне в столовой, но я всегда сразу уходила. В этот раз я осталась только из-за Джерома, но уже пожалела об этом, когда откуда-то материализовалась толпа девчонок. Они подсели к нам, облепили соседние стулья, встали за спиной Клинта, хихикали, стреляли глазками, поправляли волосы.

Пространство схлопнулось. Девчонки, стулья, руки, волосы, запахи — всё навалилось одновременно, и сквозь эту какофонию я с трудом различала, где чей голос.

От девушек прекрасно пахло. Все они были красавицы, но мне никогда не нравились большие компании, они душили и заглушали собственные мысли, которые вполне меня устраивали.

В основном это были подруги Клинта. Он был из тех, кто устраивал каждые выходные вечеринки, начиная с четырнадцати лет в своём огромном доме. Клинт предпочитал веселье, громкую музыку, толпы людей и случайные связи, а не тухнуть в своей комнате с книжкой или телефоном, как любила делать я. Джером никогда не был против вечеринок, но сам редко на них бывал — говорил, что уставал от людей за неделю и хотел тишины. В этом мы с ним были похожи, наверное, поэтому наша дружба хорошо работала раньше.

Я никогда не была на этих тусовках у Клинта. Ни разу. И даже не заходила в их дом с детства. *С тех пор, как мои родители умерли.*

Девять лет назад я ночевала у братьев, и мы играли втроём — я, Джером и Клинт. Строили шалаш из одеял в гостиной, ели попкорн, смотрели мультики до полуночи. А утром прибежала бабушка. Её лицо было белым, как мел, а глаза мокрыми от слёз, и я не сразу поняла, что происходит. Иногда она смотрела на меня так, когда я падала с роликов, но уже через пару секунд снова улыбалась, видя, что всё в порядке. В этот раз никто не был в порядке.

Мне ничего не сказали, но мы подслушали разговор бабушки с родителями близнецов. Моих родителей больше не было. Дом сгорел, а они погибли во сне.

Помню, как смотрела на Джерома — в пижаме с динозаврами он растерянно переводил взгляд с одного взрослого на другого, ничего не понимая. А Клинт зачем-то протянул мне своего плюшевого медведя, будто это могло хоть чем-то помочь.

Я знала, что их дом никак не связан с той трагедией. Знала, что это всего лишь глупый детский страх. Но стоило подумать об *их доме*, как кожу покрывал холодный пот, а в памяти тут же вспыхивал запах гари, который тем утром будто въелся в мои волосы, хотя от пожара меня отделял целый километр.

И пусть по семье я скучала не так сильно, иногда всё равно казалось: стоит переночевать где-нибудь вне собственных стен — и с бабушкой случится то же, что когда-то произошло с мамой и папой.

"Какая же глупость…"

За столом стало слишком громко: девчонки визжали, Клинт раздавал комплименты направо и налево, кто-то уронил поднос, другой громко рассмеялся. Я почувствовала, как начала болеть голова, сжались виски от этой какофонии звуков.

Джером молча наблюдал за мной, пока я доела последний кусок пиццы и допила доктор пеппер, после чего поднялась со стула, отнесла поднос и пошла к своему локеру.

Лавируя между толпами студентов, вдыхая запах пота и дешевого кофе, я мечтала только об одном — оказаться в тишине, в своем маленьком мире, подальше от всего этого бедлама.

Открыв свой шкафчик, я достала потрепанный учебник литературы с закладками на нужных страницах, потому что должна была быть готова сдать долг по домашнему чтению, который висел надо мной уже две недели.

— Лекси!

Голос раздался прямо за спиной, и я обернулась, встретившись с Клинтом, который догонял меня быстрым шагом. Его каштановые волосы подпрыгивали в такт движению, серьга поблескивала, и на губах играла улыбка, от которой у половины женского населения школы явно подкашивались колени.

Он оперся на шкафчик рядом со мной, наклонившись чуть ближе. Я почувствовала запах его парфюма — что-то

свежее, цитрусовое, совсем не похожее на тот прекрасный аромат, который я запомнила вчера, когда Мэтт прижимал меня к себе.

— Лекси, — повторил он, и его взгляд скользнул по моему лицу, — ты избегаешь меня или мне показалось, что ты становишься слишком хмурой, стоит мне оказаться рядом?

Ого, впервые за год прямой вопрос…

Неужели возвращение Джерома и возобновление общения с ним так волновало Клинта? Мы всегда дружили втроем, и, видимо, он не был готов к тому, чтобы его вышвырнули из команды ангелов чарли.

Его брат ничего плохого мне не сделал, *но Клинт…* С ним всё было сложно.

Я выгнула бровь, глядя на него с легким прищуром.

— Там, где ты — слишком шумно. А я это терпеть не могу.

Он закатил глаза — точно так же, как его брат совсем недавно, одинаковый жест, но у Клинта он выглядел более театральным и наигранным. Наклонившись ближе, он прошептал:

— Твоя привычка быть мышкой тебя погубит.

Я захлопнула локер, повернулась к нему лицом, почувствовав, как внутри закипело раздражение.

— Мышкой? О, то есть то, что я не хожу на твои вечеринки и не люблю огромные компании, делает меня мышкой?

Я усмехнулась, наматывая прядь своих белых волос на па-

лец, и добавила, глядя ему прямо в глаза:

— Что ж, буду мышью. Они хотя бы симпатичные. В отличие от таких двуличных крыс, как ты.

Грызунов я любила, поэтому даже пожалела, что сравнила его с кем-то приятным.

Лицо парня изменилось — улыбка сползла, сменившись чем-то похожим на досаду. Значит, мои слова задели за что-то живое в его распутном сердце. Он понял, о чем я говорила, потому что я припомнила ему тот случай, когда нам было по пятнадцать и мы начали встречаться.

Это было ошибкой. Мне тогда понравился его пирсинг в носу: маленькое серебряное колечко, которое он потом снял, а ещё выкрашенные в красный волосы. Он был похож на моего любимого персонажа-вампира из книги, которую я тогда читала.

Я согласилась на отношения больше от скуки, наверное, или из любопытства, потому что никогда до этого не встречалась и хотела понять, что это такое и почему все так пытались стать парой хоть с кем-то.

У нас была пара неловких поцелуев, совсем не таких, как показывали в фильмах, и мы держались за ручки, когда он провожал меня до дома после школы. А потом я увидела его на наших трибунах, где мы любили обедать, целующимся с другой девчонкой.

Я даже не так уж и сильно расстроилась тогда. Просто стало обидно, что меня использовали.

Мы не разговаривали об этом и просто перестали общаться.

Я старалась держаться от него подальше, несмотря на все попытки парня поговорить со мной.

— Ты всегда будешь припоминать мне ту ошибку? — в его голосе слышалось что-то похожее на искреннее сожаление.

Я улыбнулась, почувствовав, как удовлетворение разлилось внутри.

— Только когда хочу тебя заткнуть.

Он нахмурился, собираясь что-то сказать, но в этот момент к нам подошёл Джером, запыхавшийся, с растрепанными волосами, и выдал на одном дыхании:

— Твои фанатки атаковали меня, пришлось прятаться в туалете.

Конечно, теперь, когда Джер приехал, фанатки Клинта были и вокруг него. После расставания его брат всё равно дружил со мной и был рядом, хоть и от дружбы втроем ничего не осталось. Теперь прошёл год разлуки, и вот они снова оказались вокруг меня, будто бы так и должно было быть.

Клинт был художником, и рисовал он просто потрясающе, особенно портреты. Они получались у него живыми: со всеми мимическими особенностями, с искрой в глазах, поэтому каждый второй в школе просил у него нарисовать себя любимого. Он никому не отказывал, раздавая рисунки направо и налево, собирая благодарности и обожающие взгляды.

— Они и твои фанатки, — Клинт пожал плечами, разведя

руками в стороны, и в его голосе слышалась легкая насмешка, — у нас же одно лицо на двоих.

Он развернулся и пошёл в сторону кабинета, оставив после себя шлейф цитрусового парфюма, а Джером наклонился ко мне, понижая голос до заговорщического шепота:

— Что за бред он несёт? Моё лицо, — он провёл рукой по своим чёрным взлохмаченным волосам, — в сто раз красивее, — и фыркнул, изображая оскорблённую невинность.

— Вы оба страшные, как мои домашние штаны, пережившие десять покрасок стен в спальне.

Он притворно схватился за сердце, отступив на шаг.

— Боже, Лекси, ты убиваешь меня.

— Кто-то же должен это делать, — парировала я, захлопнув локер и прижав учебник к груди. — А то ты слишком хорошо живёшь.

Мы пошли по коридору к кабинету литературы.

Напряжение наконец отпустило, а шум в голове стих.

Я вновь подумала о Мэтте. *Когда же он снова появится в сети?*

— Ты сегодня какая-то рассеянная, — заметил Джером, толкнув меня плечом. — Случилось что?

Помимо того, что мы не общались год? – хотелось спросить мне, но я остановилась.

— Всё нормально, — ответила я и улыбнулась, чтобы он не задавал лишних вопросов, но мыслями я уже была далеко.

Глава 6. Черная повязка и тысяча поцелуев

Последний звонок прозвенел десять минут назад. Коридоры школы постепенно пустели, хотя ещё недавно были заполнены гулом голосов, хлопаньем шкафчиков и шарканьем ног, будто те стали каменными и все резко разучились ходить.

Я вышла на крыльцо, щурясь от яркого послеполуденного солнца, пробивающегося сквозь облака и заливающего всё вокруг тёплым золотистым светом. Мой телефон вдруг ожил в кармане джинсов короткой вибрацией, заставившей сердце взволнованно замереть, потому что я уже знала, кто мог мне написать.

Я вытащила телефон дрожащими пальцами и прочитала:

«Я выставил новое видео. И кажется, тебе оно особенно понравится».

Глупая улыбка сама расползлась по моему лицу. Прикусив губу, я попыталась её сдержать, но бесполезно — внутри всё пело и ликовало лишь от мысли, что, выкладывая видео, он вспомнил обо мне.

Я спустилась с крыльца, отошла в сторону от потока измотавшихся школьников и прислонилась спиной к старому дереву, растущему у входа, чувствуя его шершавую кору сквозь

тонкую ткань футболки. Открыв его профиль, я подождала, пока видео загрузится, и нажала на него.

Парень стоял на фоне белой стены, залитый мягким светом от закатной лампы на столешнице. Он был в обтягивающей чёрной футболке, которая так плотно облегала его торс, что я видела каждую линию и изгиб мышц, даже впадину между рёбрами. Снова белые волосы парика спадали на лоб небрежными прядями, и на лице у него была чёрная плотная повязка, скрывающая глаза, делавшая парня ещё более притягательным, ещё более... *Боже.*

Я знала этого персонажа, даже как-то раз выкладывала пост с его изображениями.

Это был тот самый демон из визуальной новеллы, который появлялся только в платной дополнительной главе. У него не было имени, только номер — *Тринадцать.* Его ветка считалась самой откровенной.

Парень двигался под музыку, изображая сцену, где герои познакомились в ночном клубе, и девушка не смогла отвести от него взгляд. Его бёдра покачивались в такт, руки скользили по собственному телу — от груди вниз, к животу, затем к поясу джинсов, и замирали там. Пальцы касались пряжки ремня. Он запрокинул голову назад, открывая шею с выступающим кадыком, который дёрнулся, когда Мэтт сглотнул.

— Да как же можно быть таким идеальным…

Кажется, мой рот заполнила слюна. Неужели это гормоны так со мной играли или я правда настолько была одержима

выдуманными персонажами, что смотрела на них как на любимые десерты?

Он повернулся спиной к камере, и футболка задралась ровно настолько, чтобы я увидела полоску кожи над поясом джинсов, и он провёл рукой по собственному затылку, взъерошив белые волосы.

Видео закончилось, экран потемнел, а я так и стояла под кронами деревьев, прижимая телефон к груди обеими руками, будто это был не холодный кусок пластика и металла. Щёки пылали. До безумия захотелось заняться любимым делом — зарыться лицом в подушку и кричать от восторга.

Чья-то рука легла мне на спину между лопаток, стоило выйти из укрытия, и я подскочила так резко, что телефон едва не вылетел из рук. Обернувшись, почувствовала себя ребёнком, которого поймали за чем-то непристойным.

Клинт.

Он стоял передо мной в своих потёртых джинсах и чёрной футболке, каштановые волосы слегка растрепались ветром. На его губах играла самоуверенная улыбка.

— Ты смотрела что-то запрещённое? — спросил он, и в его голосе слышалась насмешка.

Я посмотрела на него, не позволяя ни одной мышце дрогнуть, и кивнула, прижимая телефон к груди ещё крепче.

— Да, — ответила я ровным голосом, на какой вообще была способна. — Мне особенно нравится смотреть фильмы для взрослых, как только я покидаю пределы школы. А ты

не знал?

Он моргнул один раз, второй, и на его лице появилось выражение лёгкого замешательства, смешанного с удивлением. Я видела, как он пытался понять, шучу я или говорю серьёзно, и это дало мне маленькое, но такое приятное чувство победы.

— Только смотреть? — спросил он, восстанавливая свою маску самоуверенности, и его бровь приподнялась. — А чем занимаешься на выходных?

Я улыбнулась ему самой сладкой улыбкой и ответила:

— О, ты не знал? Хожу на свидания и целуюсь с тысячью парней. У меня график расписан на месяцы вперёд.

Его брови сошлись к переносице, и он тут же нахмурился, явно понимая, что я шутила, но не в силах сдержать эту тень ревности или досады. Мне стало почти смешно, потому что наши отношения давно не были дружескими. Они вообще не были никакими. Если даже я не ревновала его к другим уже давно, если мне было плевать, с кем он целовался на вечеринках и кому рисовал свои портреты, то его вид всё равно действовал мне на нервы не из-за чувств, а из-за того старого, застарелого предательства, которое въелось в кожу, как татуировка, которую сделал не подумав.

Клинт предал меня тогда не только как партнёр, но и как друг. Потому что друзья так не поступили бы. Потому что если ты решил попробовать встречаться с подругой, ты не шёл целоваться с другой за школу, даже если отношения бы-

ли несерьёзными. Ты хотя бы имел бы смелость закончить одно, прежде чем начинать другое.

Он выдохнул, провёл рукой по волосам, откинул их назад и кивнул на стоящий неподалёку чёрный, блестящий мотоцикл. Красивый, точно под стать хозяину.

— Подвезти?

— Прости, но я тебе не доверяю, — ответила я, поправляя лямку рюкзака на плече. — Не хочу впечататься в столб.

Не дождавшись его реакции, я развернулась и пошла по дорожке, ведущей от школы к главной улице, чувствуя его взгляд спиной.

Автобусы я не любила — в них было тесно, шумно, пахло потом и дешёвыми духами. Там люди тёрлись друг о друга, как сельди в бочке. Каждый раз, когда я входила в автобус, мне хотелось выпрыгнуть из собственной кожи, лишь бы не чувствовать это всё.

Джером же написал утром, что забрал машину из ремонта и мог меня подвозить, если я захочу. Но сегодня у него была тренировка в бассейне после уроков, и он просил подождать его, чтобы отвезти меня домой.

Я же ждать не стала. Слишком хотела домой, к своим плакатам и гирляндам, где никто меня не трогал и наконец-то царил покой.

Ничто так не убивало во мне желание социализироваться, как школа. Это было место, где всеобщий шум настолько перегружал голову, что потом не тянуло даже включать му-

зыку, поэтому сегодня я обошлась без неё. Хотелось только простой, обыденной тишины.

Я шла пешком, слушая, как гравий хрустел под подошвами кед, и через пару минут не выдержала, снова достала телефон, открыв видео Мэтта. Смотрела его ещё раз, и ещё раз, и ещё, пока картинка не начала плыть перед глазами. Затем зашла в комментарии и написала, не думая:

«Станцуешь так в моей спальне?»

Палец завис над кнопкой отправки, сердце колотилось где-то в горле, но я всё-таки нажала. Комментарий улетел к нему, а телефон тут же отправился в карман. Я пыталась дышать ровно, пыталась убедить себя, что это всего лишь флирт, игра, в которой нет ничего серьёзного.

Прошло меньше минуты.

Телефон снова завибрировал. На экране всплыло уведомление. Дрожащими пальцами я открыла его и прочитала:

«Всё, что пожелаешь, моя госпожа».

Я остановилась посреди тротуара. Ноги стали ватными, кровь прилила к щекам. Прижав телефон к груди, нервно огляделась по сторонам: не смотрит ли кто, не догадывается ли, что только что я обменялась с парнем, которого видела всего один раз в жизни, сообщениями, от глупости которых у любой нормальной девушки закипел бы мозг?

Убрав телефон в карман, я выдохнула и продолжила идти, поняв, как глупо выглядела со стороны, каким бредом занималась, когда переписывалась с блогером, наверняка флир-

тующим так с каждой подписчицей. Строила иллюзии, надежды, мечты, хотя должна была стоять на земле обеими ногами и не улетать в облака от пары сообщений.

Но мне это нравилось.

Мне чертовски это нравилось.

Дома я быстро сделала уроки — математику, английский, историю, всё по списку. Потом устроилась на диване в гостиной, включила очередную серию нашего с бабушкой сериала и уставилась в экран, почти не понимая, что там происходит. Всё внимание всё равно было приковано к телефону на журнальном столике. Я только и ждала, когда от моего блогера придёт новое сообщение.

Экран загорелся.

Я схватила телефон так быстро, что едва не выронила его на пол, и тут же увидела имя отправителя.

Джером.

Выдохнув, я открыла сообщение, чувствуя, как разочарование почти сразу сменяется лёгким раздражением на саму себя.

«Ты не пришла посмотреть на то, какой шикарный я в бассейне. Я обижен. Мои мышцы остались без твоего восхищения».

Я закатила глаза, представляя его самодовольную физиономию, и напечатала в ответ:

«О, не хочу, чтобы меня стошнило. Поберегу своё здоровье».

Он прислал смайлик с неприличным жестом, и я лишь усмехнулась.

«Фу, как грубо», — ответила я, и он тут же прислал ещё один смайлик — с высунутым языком, и я засмеялась вслух, откинувшись на спинку дивана.

Мы давно не общались так спокойно, но мне на удивление было комфортно, и не хотелось прекратить всё только из-за того, что последние года у нас не удались. Сейчас, когда учёба началась, наше общение вернулось в привычное русло, и это было удивительно — как легко мы восстанавливали связь, будто мы говорили вчера, и позавчера, и всегда.

Даже несмотря на то, что его брат действовал мне на нервы. И сам Джером иногда действовал мне на нервы. *И они оба действовали мне на нервы.* Иногда мне хотелось придушить их. Я всё равно ещё скучала по тому, как мы были все привязаны друг к другу в детстве. Три хвостика, цеплявшихся друг за друга.

Наконец я поняла: если не напишу об этом сейчас, то сколько бы мы ни бегали от разговора и ни делали вид, что всё нормально, рано или поздно эту тему всё равно пришлось бы поднять. Поэтому я написала Джерому:

«Мне нравится, что мы снова начали общаться, но я всё же хочу поговорить о том, почему мы почти не переписывались весь прошлый год, а до этого из-за Клинта вообще обменивались только парой фраз. Почему именно сейчас ты решил снова со мной дружить?»

Тут же пришёл ответ:

«Открой дверь»

Я удивилась и пошла к выходу, пока бабушка крепко спала на диване уже и позабыв о серии сериала.

На пороге стоял Джером, держа в одной руке ведёрко карамельного мороженого, а в другой две ложки.

— Ну ложки-то дома у меня есть, — прислонившись к косяку двери, улыбнулась я, наблюдая за его понимающим свою ошибку лицом.

Парень пожал плечами, а ветер взъерошил его чёрные волосы, из-за чего те упали на глаза, делая их голубой цвет ещё более притягательным на фоне тьмы.

— Ну, будут ещё, всегда пригодятся. Впустишь или будем есть мороженое на пороге?

— Даже не знаю... — я с притворной скукой оглядела его с ног до головы. — Зачем ты мне тут сдался? — выхватила мороженое и ложки. — А за еду спасибо. — и, подмигнув, закрыла дверь перед его носом.

Медленно поднимаясь по лестнице, я зашла в свою комнату, где Джером уже развалился на кровати, рассматривая мои плакаты на стенах.

— Долго ты, — зевнул он.

Конечно же, я знала, что он залезет сюда. Моё окно часто открыто, и что Джером, что Клинт в детстве взбирались по дереву, растущему рядом, и затем легко цеплялись за подоконник, залезая ко мне. Не слишком безопасно так жить,

но дерево срубать не хочется. Осенью оно особенно сильно радовало меня, когда листья начинали желтеть.

— Это ты стал слишком быстрым.

— Это ты меня ещё в воде не видела. — он приподнял свою белую футболку, показывая свой красивый пресс, который получил благодаря постоянному спорту и хорошему питанию, а затем встал и, скинув с себя кожаную куртку, заодно похвастался широкими плечами.

— Ну, надеюсь, что увижу утопленником.

— Фу, грубиянка, — он недовольно покачал головой.

Я лишь улыбнулась парню.

— Почему ты вообще был у моего дома?

— Сразу после тренировки хотел поехать к тебе и поговорить.

О, так значит, мы почти одновременно подумали о том, что пора бы всё обсудить.

—А ещё Клинт устроил вечеринку и мне там некомфортно.

— Неудивительно, — кивнула я ему и откинулась на подушку, открывая ведёрко мороженого. — Начинай говорить.

— Почему я?

— Ты же первым возобновил общение, тебе и говорить, — зачерпнув мороженое ложкой, я принялась есть, пока Джером наблюдал за мной.

Он сел рядом, и наши плечи соприкоснулись. В одном топике на тонких лямках я сразу ощутила тепло его мягкой

кожи.

Несмотря на то, что я не из низких девушек, Джером смотрелся куда крупнее и объемнее. Его тело закрывало мне вид на мои плакаты на стене.

— Прошлый год я не заводил особо друзей в новой школе и не хотел этого. Мне всегда нравилась наша детства компания, и перед отъездом было тяжело понимать, что, когда я вернусь, наверное, мы все и смотреть друг на друга перестанем.

— Клинт — твой брат, тебе на него всю жизнь смотреть, даже просто взглянув в зеркало.

— Я красивее.

Я закатила глаза. Никто не отрицал их схожесть — близнецы сами наперебой пытались доказать, кто из них прекраснее всех на свете, всех милее, всех румяней и белее.

— Ну-ну.

— Хей, Лекси, — он обхватил моё лицо ладонями, заставляя смотреть себе в глаза. — Ты только взгляни на то, насколько я восхитителен, а потом вспомни Клинта и только попробуй сказать, что мы одинаковые.

Я подняла руки, показывая, что сдаюсь, но затем прошептала:

— На одно лицо.

Джером зашипел на меня, как недовольный кот.

— Я тебе очки куплю, потому что ты слепая!

Оттолкнув его ладони, я продолжила есть мороженое,

иногда из благородства поднося ложку и другу. В детстве мы всегда делали так. Клинт был более брезгливым — даже есть с одной тарелки для него казалось сомнительной идеей. Поэтому мы с Джером были ближе как друзья, а с Клинтом… Ну, ему всё же явно нравилось обмениваться со мной слюнями, просто не в еде.

— Продолжай.

— Да, точно — Джером облизнул ложку, и я шлёпнула его по лбу ею же, отчего он только засмеялся. — Тогда я подумал, что это так глупо, что мы прекратили близкое общение только из-за того, что вы разругались с моим братом, ведь я в той ситуации вообще ни при чём. Мне нравилось гулять с тобой, кататься на роликах в парке, получать по голове за глупые шутки и даже выслушивать твои постоянные оскорбления. Ты была и остаёшься моей лучшей подругой, и расстояние лишь напомнило, что я всегда буду ценить время, проведённое вместе. Но терять его ещё раз я не намерен. Твои посты, как и раньше, были полны любимых персонажей, ты вечно писала о новом мужчине с плаката, вставляла свои забавные замечания в игры, в которые играешь. Мне нравилось их читать — раньше ты ведь рассказывала всё нам с Клинтом, хоть он и безумно ревновал тебя к этим нарисованным чувакам. В общем, я решил, что, когда вернусь, обязательно попробую сделать хоть что-то, чтобы снова начать общаться. Было бы глупо потом всю жизнь думать: а что, если бы я тогда с ней заговорил — начали ли бы мы

снова дружить?

Ого, так он заготовил речь.

Джером говорил много и часто сбивчиво, но я поняла главное: если скучаешь по кому-то — лучше сказать об этом, чем потом жалеть. Друзьями с детства нельзя разбрасываться.

— Я тоже скучала по нашим перепалкам, — честно призналась я.

— Как-то ты коротко решила такое сказать, — хмыкнул парень и показал мне язык.

— Прости, но если не нравится, то выходи через окно.

Джером вдруг забрал из моих рук ведёрко, поставил остатки мороженого в сторону и крепко прижал меня к себе, сдавливая до хруста в рёбрах, отчего я издала едва слышный хрип.

— Нет, я не настолько скучала, чтобы умереть, — едва слышно произнесла я.

Друг отпустил и громко засмеялся.

— Почувствовала силу моих мышц?

— Нет, не успела, ведь думала о том, как бы не помереть от нехватки воздуха.

Джером закатил глаза, а затем потрепал меня по волосам, зная, что белые кудри запутаются так, что потом мне придётся с ними мучиться.

Мы ещё немного поговорили. Он рассказал об успехах в плавании и что, скорее всего, получит хорошую стипендию,

ведь всё к тому и шло. Я говорила о просмотренных сериалах, которые могли бы ему понравиться, и друг клятвенно пообещал их посмотреть.

Наконец, Джером ушёл вновь через окно, чтобы не разбудить шагами бабушку внизу, а я сходила в душ и, вернувшись, заметила свет на экране телефона, но уведомлений никаких не было. Глянув на пустой диалог с Мэттом и чувствуя, как внутри разрастается что-то похожее на нетерпение, я написала первая, нарушая все свои правила быть наблюдателем, а не участником:

«Чем занят?»

Ответ пришёл почти сразу, и моё сердце подпрыгнуло.

«Делаю уроки. Задали ужасно много».

Я улыбнулась, представляя его за столом, с учебниками в обычной домашней одежде.

«Ты школьник или учишься в университете?»

Только когда сообщение уже ушло, до меня дошло, что я ведь не знаю о нём ничего — совсем ничего, даже сколько ему лет. Раньше об этом как-то не задумывалась: в моей голове он существовал скорее как образ, как персонаж, а не как живой человек.

А ведь мне через неделю восемнадцать.

Вдруг ему двадцать пять? Тридцать? А если он вообще намного старше? И если для него я просто ребёнок?

Я посмотрела на экран, закусывая губу, и ждала.

«В выпускном классе», — пришёл ответ.

Мы ровесники.

Что, если он учится в моей школе?

В нашем городе их всего три: Нортсайд, Централ и наша — Истсайд Хэттлок. Он может быть в любой из них. Но если он в моей если он каждый день ходит по тем же коридорам, дышит тем же воздухом, сидит за партой в соседнем классе если мы проходили мимо друг друга сотни раз...

Я представила это слишком ярко — как мы сталкиваемся в толпе у локеров, и его рука случайно касается моей; как он сидит в столовой в паре столиков от меня, а я даже не догадываюсь, что это он; как он выходит на крыльцо школы, солнце освещает его волосы, он кому-то улыбается — а я прохожу мимо, так и не поднимая головы.

Эта мысль застряла в голове и не отпускала, пульсировала, разрасталась, превращалась в маленькую одержимость.

Я посмотрела на экран телефона и написала:

«В какой школе ты учишься?»

И теперь замерла, ожидая ответа.

Глава 7. Дружба и любовь = плохая смесь

Скрип мела по доске резал слух. Учительница физики терпеливо выводила длинные, замысловатые формулы, больше похожие на древние иероглифы. Возможно, ей стоило поработать над почерком. Я же сидела за задней партой, вжавшись спиной в холодную спинку стула. Мысли были совсем в другом месте: через три дня мне исполнится восемнадцать, а Мэтт до сих пор молчал и не ответил на мой вопрос о школе. Внутри всё зудело и вибрировало странной смесью нетерпения и липкой тревоги.

Стоило увидеть Клинта, сидящего впереди, как меня унесло из душного класса — в день чуть меньше чем три года назад, который расколол детскую дружбу на *«до»* и *«после»*.

Это был жаркий весенний день. Солнце, пробиваясь сквозь огромные окна школьного бассейна, заставляло воду сверкать, как бриллиант. Воздух был пропитан резким запахом хлорки, сыростью бетона и теплом нагретой плитки. Мы сидели с Клинтом на пластиковых трибунах, плечом к плечу и смотрели, как Джером плывёт по своей дорожке. Его тело мелькало тёмной стремительной тенью, мышцы перекатывались под мокрой кожей. На поворотах он выныривал, жадно хватая ртом воздух, чтобы тут же снова уйти

с головой в синеву.

Я помнила острое чувство зависти к его свободе, к тому, как легко он чувствовал себя в своей стихии, словно вода была создана для него, и он точно знал, чем хочет заниматься в жизни. А я просто смотрела на него и думала, что хочу, чтобы он был счастлив.

Клинт сидел совсем близко. На нём была выцветшая чёрная футболка с полустёртым принтом панк-группы и потёртые джинсы с рваными коленями. Его волосы — безумный оттенок красного, как закатное солнце, — падали на глаза непослушной чёлкой. В носу поблёскивал крошечный серебряный пирсинг. Эта деталь делала его похожим на вампира с трагичным взглядом из моей любимой книги.

Я поймала себя на том, что заворожённо смотрю на него и думаю: боже, каким другим он стал по сравнению с детством. Ему всегда нравилось меняться, искать, каким он хочет быть сегодня.

Парень наклонился ближе, сокращая расстояние между нами. Его плечо прижалось к моему сильнее, а запах апельсинового парфюма окончательно выбил почву из-под ног. Ладонь легла мне на колено, кончики пальцев едва коснулись джинсовой ткани юбки.

Я застыла, будто превратилась в статую: это по-дружески, как всегда, или мне не кажется, что между нами появилось какое-то напряжение? В последнее время он и правда стал прикасаться чаще. От точки соприкосновения по

коже разбежались мурашки, сердце пропустило удар и тут же сорвалось в бешеный ритм.

Медленно повернув голову, я утонула в его взгляде. У Клинта были удивительные глаза — голубые, как ясное небо, с холодным тусклым светом внутри. Точно такие же, как у Джерома — особенно нравившиеся мне всегда. В обрамлении длинных тёмных ресниц они казались бездонными, печальными даже тогда, когда он улыбался своей кривоватой усмешкой.

Сейчас Клинт не улыбался. Он смотрел пристально, будто видел впервые и пытался запомнить каждую деталь — ресницы, веснушку на носу, трещинку на губах.

— Эй, Лекс, — Клинт толкнул меня плечом, — тебе кто-нибудь нравится? — его голос немного дрогнул.

Я улыбнулась, чтобы скрыть предательскую дрожь в губах, и ляпнула первое, что пришло в голову, спрятавшись за своей обычной дурашливостью:

— А тебе есть кого предложить?

Он даже не моргнул. Его пальцы на моём колене сжались, и Клинт сказал:

— Меня, конечно. Давай встречаться?

Внутри меня не включился ни один предохранитель, готовый взвесить все ***«за»*** *и* ***«против».*** *Я даже не прислушивалась к тихому голосу разума, который пищал: мы же друзья, неразлучная троица — я, он и Джером, — этот шаг разобьёт всё, что мы строили годами.*

Возможно, мне просто хотелось избежать чувств к тому, кто мне действительно нравится.

Мне недавно исполнилось пятнадцать. Все мои подруги давно целовались с парнями, шептались о них на переменах, ходили за руки. Детская влюблённость, но такая приятная, и я так хотела её попробовать.

— Давай, — выдохнула я, стараясь не думать о том, что этот день может испортить многое.

Он наклонился и поцеловал меня.

Это был не поцелуй из фильмов, где люди почти сжирают друг друга. Мне не снесло голову, но прикосновение мягких губ всё же было до одури приятно. Я замерла, и ладони вдруг вспотели. Я не знала, куда деть руки, что делать с телом и как существовать в этом новом, странном измерении.

Тренировка закончилась. Джером вышел из раздевалки с мокрыми, прилипшими ко лбу волосами и полотенцем на шее. Он увидел нас и застыл на мгновение, вглядываясь в наши сплетённые пальцы, в то, как я прижимаюсь к плечу Клинта. Лицо его вмиг окаменело, стало чужим, словно кто-то щёлкнул выключателем и погасил внутри весь свет. Он молча развернулся и ушёл, не бросив даже обычной колкости. Тогда я не понимала, почему. Не понимала, что для него значила наша дружба втроём. Не понимала, что своим выбором предала что-то бесценное.

После этого он возненавидел брата — это было видно

невооружённым глазом, по тому, как каменели желваки на его скулах при одном только появлении Клинта, по тому, как он отворачивался и уходил. Но и со мной он перестал разговаривать. Целую неделю мы проходили мимо друг друга в школьных коридорах, как чужие. Это было больнее, чем если бы он кричал на меня.

А я тем временем с упоением тонула в Клинте. Мы целовались везде, где только могли, — в пустующих классах после уроков, за школой, у меня дома. Целовались с каким-то отчаянным голодом, потому что это оказалось потрясающе — его мягкие, умелые губы заставляли мои колени подкашиваться, а мысли — путаться и улетучиваться. Я была твёрдо уверена, что наконец мне нравится другой парень, что вот оно — то самое, о чём пишут в книгах, что любовь существует и она пахнет свежими апельсинами и носит пирсинг в носу. Но так пахло разложение нашей дружбы.

А потом Джером наконец вернулся.

Это случилось в столовой. Он подошёл к моему столу, плюхнулся напротив, молча взял мою булочку с персиком и откусил огромный кусок. Прожевав, заявил: «Смотреть на твою кислую физиономию больше нет сил. Давай мириться, пока я тут от одиночества не рехнулся». Я рассмеялась, и с души упал огромный камень. Всё снова стало на свои места. Почти. Теперь, когда я брала Клинта за руку, Джером кривился, закатывал глаза или отпускал язвительные ком-

ментарии, но, стиснув зубы, терпел наши поцелуи, потому что я была его другом, а друзья терпят и не такое.

Всё рухнуло через пару месяцев. Мы с Джеромом, как в старые добрые времена, пошли за школу, к нашим трибунам, где всегда обедали, если была пасмурная погода, и увидели Клинта. Он прижал к стене Стефи. Я уже видела раньше эту тихую девушку с длинными чёрными волосами, которая вечно сидела в углу на физике и молчала, но никогда особо не обращала на неё внимания. Мне не особо нравились слишком замкнутые люди, у них слишком много бед в голове. А я не из тех, кто готов пустить тьму в свою жизнь. Но Клинт целовал её прямо у меня на глазах. Руки сжимали её талию, её пальцы запутались в его красных волосах. Они были так увлечены друг другом, что не замечали ничего вокруг.

Я замерла, глядя на это. О нет, мне точно не захотелось бежать. На самом деле, во мне возгорелось желание взять биту из школьного клуба по бейсболу и зарядить ею по головам уже бывшего парня и друга.

Джером замер рядом, а потом его тёплая ладонь накрыла мои глаза:

— Лекс, меня сейчас стошнит. Пошли отсюда.

Он крепко обнял меня за плечи и увёл прочь, едва не готовясь вынести меня с этих трибун на руках. Клинт не поднял головы, поэтому даже не узнал о нашем присутствии.

На следующий день Клинт подошёл ко мне у шкафчика,

сияя своей обаятельнейшей улыбкой, и потянулся поцеловать, словно вчерашнего дня не существовало. Но не тутто было, ведь я сразу же ударила его.

Кулак с хрустом встретился с его носом. Этот славный звук я буду помнить всю жизнь. Клинт отшатнулся, вскрикнул, схватившись за лицо. Между его пальцев хлынула кровь, заливая подбородок, капая на белую футболку и грязный пол. Он посмотрел на меня глазами, полными боли и удивления, будто я совсем чокнутая.

— За что?

— О, а давай я подойду и поцелую Джерома, тебе будет приятно? — я схватила направляющегося к нам близнеца и потянулась на носочках, запечатлев поцелуй на его губах, отчего тот оторопел и замер, раскрыв глаза.

Клинт тут же толкнул брата подальше от меня и, взъерошив свои волосы, тяжело выдохнул.

— Она сама меня поцеловала, Лекси! — затараторил он, зажимая нос, и голос его звучал гнусаво и жалко, как у провинившегося щенка. — Я просто не успел ничего сделать, честно, она сама... Ей нужно было…

Но я всё видела. Я видела, как он отвечал на её поцелуй. Видела, как его руки сжимали её грёбаную тонкую талию.

Даже если она и поцеловала первой — он не оттолкнул.

Я молча развернулась и ушла, оставив его стоять, истекая кровью. За драку меня отстранили от занятий на неделю, бабушка только вздыхала и качала головой, а я лежала

в своей комнате, смотрела на плакаты с вампирами и думала о том, что реальные люди всегда оказываются грязнее и подлее, и уж лучше любить картинку — она хотя бы не предаст.

Позднее я узнала, что братья ещё и подрались. Вся дружба рухнула в один миг.

Конечно, я извинилась перед Джеромом за поцелуй, потому что он явно не должен был быть использован для такой фигни, как месть. Да и свой поступок, прокрутив тысячу раз в голове, я очень хорошо осознала, и мне было стыдно. Под воздействием эмоций я поступила ничем не лучше, чем Клинт. Сделать больно из-за того, что он так поступил со мной, – явно не поступок осознанного человека.

Резкий, пронзительный звонок с урока ворвался в мои мысли, выдернув меня из прошлого с такой силой, что я вздрогнула всем телом и на мгновение потеряла ориентацию в пространстве.

Я тряхнула головой, прогоняя наваждение, и дрожащими пальцами достала телефон из кармана, чувствуя, как сердце снова начало свой бешеный бег в предвкушении.

Одно новое сообщение. Я открыла его, затая дыхание, боясь даже моргнуть.

«Хэттлок».

Всего одно слово, но это чёртово название моей школы.

Он здесь. Прямо сейчас, в этом здании. Мэтт мог видеть меня, знать, кто я, как выгляжу, какую дурацкую причёску

делаю по утрам.

Я резко вскинула голову и лихорадочно оглядела коридор, чувствуя, как по спине побежали ледяные мурашки. Я впилась взглядом в каждого парня, проходящего мимо: щуплый ботаник с очками, качок из футбольной команды, вечно сонный гитарист, но все они будто не те.

— Выглядишь великопелно, — раздалось прямо над ухом, и я подпрыгнула на месте, резко обернувшись и наткнувшись на насмешливый взгляд Клинта.

— Что?

— Ты смерть увидела, чего взрогнула?

Он стоял, лениво опираясь плечом на стену, слишком близко ко мне, как и всегда.

— Нет, — мой голос прозвучал на удивление ровно, и я, не подумав, выдала первую попавшуюся колкость: — Всего лишь говно на твоём лице.

Позади нас с металлическим лязгом открылся шкафчик, и из-за дверцы высунулась взлохмаченная голова Джерома, который тут же вставил свои пять копеек:

— Язва, ты говоришь и про моё лицо между прочим!

Клинт лишь усмехнулся, поправляя серьгу в ухе, и заявил с непоколебимой самоуверенностью человека, который никогда не сомневался в своей неотразимости:

— Все мы знаем, что я самый красивый из нас.

Джером захлопнул локер, грохот эхом разнёсся по коридору. Он облокотился на него плечом. Сегодня на Джере бы-

ла свободная бордовая футболка и чёрная джинсовка с потёртостями на локтях, чёрные волосы вечно торчали в разные стороны, будто он только что встал и лишь провёл по ним рукой, не взглянув в зеркало. Он усмехнулся, глядя на брата, и машинально провёл языком по нижней губе, облизывая потрескавшуюся кожицу.

Я уловила это мимолётное движение и вдруг уставилась на то, чего раньше не замечала: в свете ламп блеснул маленький серебряный шарик на его языке.

— Вау, выглядит круто, — вырвалось у меня, и я ткнула пальцем в его сторону. — Когда ты это сделал?

Джером нахмурился, потом специально, медленно провёл языком по зубам, демонстрируя пирсинг.

— Он у меня уже год, Лекс. Я недавно тебе в комнате язык показывал, и ты серьёзно только сейчас заметила?

Я только пожала плечами, чувствуя лёгкий укол неловкости, ведь в тот день мы ели мороженое, и я не пыталась заглянуть ему в рот, больше сосредоточившись на теме нашего разговора.

— Вы были в её комнате или в гостиной? — вступил в наш разговор Клинт.

— А есть разница? — поддел его брат.

— Да, ведь я соскучился по Доротее и тоже бы хотел увидеть её и поесть пирога.

— О, я не говорил с её бабушкой, ведь мы с Лекси лежали в кровати, — Джером подмигнул Клинту, отчего тот сощу-

рил глаза, недовольно глядя на близнеца.

— Ты стал невыносим, когда вернулся спустя год.

— Лекс, ты тоже так думаешь? — Джером ухмыльнулся, глядя на меня.

— Нет, ведь ты всегда невыносим.

— Ну точно язва.

Устав от близнецов, я развернулась и зашла в класс. Звонок наконец прозвенел, и сейчас у нас была литература. Только переступив порог, я осознала неприятную правду — ближайший час мне вновь придётся сидеть в одном кабинете с Клинтом.

В классе было жарко, как в духовке, и в этой духоте я сразу заметила Стефи. Она сидела на первой парте, как всегда, сгорбившись, спрятавшись за стеной своих длинных чёрных волос. На ней был толстый вязаный свитер с высоким горлом — она, кажется, никогда не снимала эту свою униформу, даже в такую погоду. Она вздрогнула, когда девушка сзади с грохотом бросила учебник на стол. Я увидела, как напряглись её плечи, как она вся сжалась, пытаясь стать незаметнее, слившись с партой.

Затравленная, вечно испуганная мышка.

Мне не было до неё никакого дела, но иногда из-за сцены из прошлого мой взгляд цеплялся за неё.

Я прошла мимо и села у окна, откуда была видна парковка и часть пустого школьного двора. Пока учительница копалась в бумагах, я снова достала телефон и, закусив губу до

боли, напечатала Мэтту:

«Я тоже учусь в этой школе».

Палец завис над кнопкой *«отправить»*, потом всё-таки нажал.

Телефон завибрировал почти мгновенно.

«Знаю».

Я уронила телефон на парту. Он упал с глухим стуком, а я смотрела на него, не в силах пошевелиться, чувствуя, как сердце провалилось куда-то в желудок, а воздух застрял в лёгких ледяным комом.

Знает.

Я медленно подняла голову и оглядела класс, тяжело дыша, чувствуя, как паника разлилась по венам вместе с кровью. Кто из них? Чей взгляд я чувствую на своей спине? Кто сейчас наблюдает за моей реакцией, за моим замешательством?

На втором ряду, через две парты от меня, сидел парень — блондин с короткой стрижкой и светлыми бровями. Бернс, кажется. Из параллельного класса. Он смотрел на меня в упор и не отворачивался, когда наши глаза встретились.

Это не Мэтт.

Я знала это каждой клеткой. Мэтт не стал бы просто сидеть и пялиться — он бы улыбнулся, подмигнул. А этот просто смотрел, и в его взгляде не было ничего, кроме обычного человеческого интереса, потому что я достаточно красивая, чтобы на меня вот так смотрели.

Скользя взглядом дальше, я всматривалась в лица одноклассников, в каждого парня, пытаясь угадать, представить, но все они казались чужими. И от этого становилось только хуже.

В классе двадцать человек. На перемене в коридорах будет ещё. В столовой, в раздевалке, на парковке — везде. И любой из них может оказаться им. Любой может знать моё имя, моё лицо, моё расписание.

Паранойя заползла в голову, просочилась в каждую мысль, и это пугало до дрожи в коленях, но вместе со страхом пришло что-то ещё — дикое, пьянящее возбуждение.

Глава 8. Кто же ты такой?

Последний звонок прозвенел так давно, что его звук, кажется, уже успел раствориться в гулкой тишине опустевших коридоров. Я всё ещё стояла, прижавшись спиной к холодным металлическим дверцам синего шкафчиков, и чувствовала, как ребристый металл впивался в лопатки. Ноги отказались нести меня к выходу, а взгляд продолжал скользить по лицам редких прохожих, оставшихся в школе после уроков.

Теперь каждый парень, мелькнувший в конце коридора и обративший на меня случайный взгляд, мог оказаться Мэттом.

Я всматривалась в лица до лёгкого головокружения, пытаясь поймать то неуловимое, что выдало бы его и заставило бы меня замереть и узнать парня, даже не будучи уверенной до конца.

Высокий парень в объёмной толстовке с капюшоном, натянутым так глубоко, что виден только кончик носа и подбородок с лёгкой щетиной, прошёл мимо, уткнувшись в телефон и не взглянув в мою сторону.

Нет, этот слишком сутулый.

Парень с рыжими, почти огненными волосами и россыпью веснушек на широком носу поправил сползающий рюкзак и широко улыбнулся кому-то в конце коридора. Улыбка открытая и дружелюбная, в ней не было и намёка на тёмную,

притягательную загадочность, которой дышали сообщения Мэтта и все его видео.

Я строю догадки, не зная парня лично...

Шумная группа футболистов в одинаковых спортивных костюмах вывалилась из бокового коридора. До меня донёсся запах пота из раздевалки. Громкий смех эхом разнёсся под высоким потолком. Широкие плечи распирали ткань толстовок. Я задержала взгляд на каждом по очереди, лихорадочно пытаясь найти в их чертах, движениях, манере держаться те детали, что заставляли моё сердце замирать у экрана.

Все они подходили под общее описание: высокие, широкоплечие, с телами, которые ежедневные тренировки и строгая диета вылепили в идеальные машины для бега и ударов по мячу. Любой из них мог бы быть тем парнем в обтягивающей чёрной футболке. Любой мог бы прямо сейчас смотреть на меня откуда-то со стороны — из-за угла, наблюдая, как я мечусь и попадаюсь в его ловушку. Возможно, Мэтт даже мог наслаждаться моим замешательством, отчаянной охотой за призраком, который не хотел являться в стенах школы.

А вдруг Мэтт — это вообще не его настоящее имя?

Вдруг всё, каждое слово в его сообщениях — ложь, искусная игра, цель которой мне не понять, а я просто слепо двигалась по этой шахматной доске, как самая глупая пешка, даже не зная, кто на самом деле ею управляет?

Эта мысль обожгла звонкой пощёчиной, заставила сделать

глубокий, судорожный вдох, а потом ещё один, потому что если включить голову и попытаться мыслить логически — *зачем ему врать?* Зачем тратить столько времени на переписку, на эти ночные разговоры, на то, чтобы узнавать меня, если всё это фальшивка? Он действительно знал меня — не только то, что я пишу в комментариях, но и то, как я реагирую на комплименты, как отшучиваюсь, когда мне неловко, как раскрываюсь по ночам, когда усталость снимает все барьеры. Он знал, что я подписана на него три года, как преданный фанат, и обрадовался моему первому комментарию. Мэтт знал, в какой школе я учусь, и ему явно хотелось со мной общаться — иначе зачем вся эта переписка, этот флирт, эти его *"моя Лекси"*, от которых у меня каждый раз подкашивались колени, а низ живота наполнялся неприличным теплом?

Но тогда почему он не подошёл?

Почему не раскрыл себя, не появился из толпы, не положил руку на плечо и не сказал: *"Привет, это я"?*

В чём проблема-то?

Может, я слишком хорошо о нём думала. А он оказался бы в итоге очередным самодовольным парнем, тешащим своё эго тем, что девчонка фанатеет от него?

Я резко развернулась, так что подошва кроссовок противно скрипнула по начищенному полу, и вместо того, чтобы направиться к спасительному выходу из школы, где меня ждали свобода и тишина собственной комнаты, пошла в проти-

воположную сторону — туда, где коридоры становились уже, а лампы под потолком горели тусклее. Прошла мимо столовой, где всё ещё гремели металлические подносы и пахло остывшей пиццей, смешанным с кисловатым запахом дешёвого кофе, мимо спортзала, откуда доносились глухие, ритмичные удары баскетбольных мячей о паркет и хриплые крики тренера, перекрывающие этот гул. Затем углубилась в самое дальнее крыло здания, где воздух стал влажнее и начал явственно чувствоваться запах хлорки.

Я знала, что сейчас идёт тренировка по плаванию, а мне позарез нужно поговорить с Джеромом, нынче популярным в школе, как и его брат.

Он единственный знал всю эту историю с первого дня. Я позвонила ему в тот вечер, когда Мэтт впервые ответил на мой комментарий — спустя три года моего немого обожания. Я орала в трубку так, что он, наверное, оглох на одно ухо и до сих пор слышит звон. Джер всегда знал, насколько я чокнутая, знал всех моих тараканов по имени и бывало дрессировал их, чтобы они не слишком часто сводили меня с ума. Он никогда не осуждал, только беззлобно подкалывал, дёргал за хвост. Но при этом раньше всегда был рядом, слушал мои ночные истерики и принимал меня такой, какая я есть — со всей моей придурью и странностями. Даже в дружбе втроём Джер всегда был чуть ближе, поэтому и расстроился, когда узнал о нас с Клинтом. И тогда я и вправду подвела наше общение, хотя на брата он и обижался дольше.

У Джерома, судя по тому, как он со всеми здоровался в коридоре, вырос феноменальный круг знакомых в этой школе. Он умудрялся общаться и со спортсменами, и с тусовщиками, которые каждые выходные едва ли вспоминали собственные имена, и с тихонями-ботаниками, и с отличниками, вечно торчащими в библиотеке. Со всеми подряд. Потому что он из тех редких людей, которые умеют находить общий язык с кем угодно — даже с теми, кто принципиально не хочет ни с кем разговаривать. Если хоть кто-то в школе интересовался мной, спрашивал обо мне у кого-то, смотрел в мою сторону дольше положенного приличиями — Джером мог это заметить.

Мы найдём этого чёртова Мэтта.

Я толкнула тяжёлую дверь бассейна, и меня с головой накрыло запахом хлорки. Как в этом месте ещё никто не умер?

Здесь было шумно: вода плескалась о бортики, свистки тренера прорезали воздух, слышались глухие удары тел о воду при прыжках с тумб. Я пошла вдоль длинного бортика, скользя взглядом по фигурам пловцов, что мелькали под водой, и нашла Джерома почти сразу.

Джером стоял на тумбе, замерев в идеальной стойке перед прыжком. Его тело было напряжено, каждая мышца поблёскивала от капель воды, подсвеченных солнцем. Я застыла на месте, потому что успела напрочь забыть, насколько он красив без одежды, насколько иначе выглядит без своих бесконечных потёртых джинсовок и кожанок.

Сейчас мой взгляд цеплялся за изгибы тренированного тела, широкую спину, гладкую кожу на груди — и именно это почему-то особенно мне нравилось. Он был прекрасен, как греческий бог, но вслух я бы этого никогда не сказала, иначе зазнается. Хотя, если подумать, эти близнецы и без моих комплиментов были одержимы собственной внешностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.